

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

АТОМНЫЙ

ГОРОД

Дмитрий Матяш

ВЫХОД 493

Дмитрий Матяш

Выход 493

«Крылов»

Матяш Д.

Выход 493 / Д. Матяш — «Крылов»,

ISBN 978-5-4226-0128-8

Долгие годы они считали, что после ядерной войны уцелели, не утратив человеческий облик, только они – те, кто оказался в Укрытии. Но вдруг странный... очень странный гонец доставляет послание из другого города. Отправившие послание люди утверждают, что знают, как оживить мир. Но им самим не хватит на это сил – их осталось слишком мало. Что делать? Покидать Укрытие или нет? Поверить в призрачный шанс на спасение верхнего мира? Неужели и в самом деле еще есть выжившие? Или к ним попало послание мертвых? Или это чья-то хитрость и их пытаются заманить в ловушку? Узнать правду можно лишь одним способом – преодолеть 493 километра, разделяющие города. 493 километра по аду. По зараженным землям, через разрушенные населенные пункты, по территориям, заселенным неизвестно кем. И поисковая группа, в которую вошли лучшие из лучших, отправляется в путь. Однако знай они, что ждет их на этом пути, еще сто тысяч раз подумали бы, стоило ли покидать убежище...

ISBN 978-5-4226-0128-8

© Матяш Д.

© Крылов

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дмитрий Матяш

Выход 493

*Мы здесь одни, среди тысяч заплаканных глаз.
Это они смотрят в прицел на нас.
Слышишь, все ближе мертвых собак лай.
Целься чуть ниже... Стреляй!*
Дельфин. Нечестно

Глава 1

Стахов как раз подкладывал в костер сухие поленья в надежде отогреть заглодевшие руки, когда привычную тишину заставы нарушил сначала едва различимый на фоне душевного потрескивания костерка, но постепенно нарастающий шум. Это возвращался с ночного рейда вояжерский грузовик, один из немногих, оставшихся в Укрытии на ходу. Узнать по звуку, чей именно экипаж возвращается, для Стахова не составляло никакого труда. Даже сквозь два металлических заслона, ограничивающих тридцатиметровый промежуточный шлюз, он определил, что это возвращался с рейда «Монстр» – когда вояжеры выжимают из двигателя все силы, спутать этот рев с каким-то другим мог либо новичок, либо совсем уж невнимательный вояка.

Поэтому, еще до того как «Монстр» успел подкатить свои шесть колес к наружному заслону шлюза и подать сигнал о прибытии, комбат нехотя поднялся от костра, похрустел шеей и, подойдя к откинувшемуся на мешки новичку, опустил свою тяжелую руку ему на плечо.

– Просыпайся, боец, – сказал Илья Никитич, с трудом подавив в себе желание схватить его за шиворот и как следует встряхнуть.

Парень, имени которого Стахов так и не запомнил, встрепенулся, будто получил пощечину, и вскочил на ноги, по привычке вцепившись обеими руками в автомат.

Мысль, что его подняли не по боевой тревоге, пришла не сразу. А вслед за ней в опьяненный сладким, необычайно цветастым сном мозг ворвалась и другая, от которой у него вмиг все сжалось внутри, похолодело, а кадык запрыгал как заводная игрушка: он заснул на посту! Нет, нет, только не это!

– Простите, Илья Никитич... товарищ командир, вторые сутки на ногах, – виновато вскинув глаза на Стахова, оправдывался юноша. – На минутку присел, и... – Он развел руками, не в силах добавить что-то еще.

Лицо командира на мгновение просветлело, как-то по-отцовски тепло блеснули глаза, даже подумалось, что он сейчас искренне улыбнется и скажет что-то успокаивающее вроде: «Да все нормально, малый, с кем не бывает». Но колючие брови тут же обратно поползли к переносице, глаза заблестели бесчувственной сталью, а лицо приняло прежний бесстрастный, хладнокровный вид.

– Сто раз, – тихим, изможденным, но властным голосом сказал он, глядя куда-то поверх белобрысой макушки. – На кулаках. А в следующий раз получишь еще один наряд. Понял?

Парень, пятнадцати лет от роду, браво вздернул подбородок и удовлетворенно улыбнулся, будто ему приказали не отжиматься на бетонном полу, а дрыхнуть дальше. Тут же, отложив оружие в сторону, он упал на кулаки и с ритмичным «уф-уф» принялся отрабатывать наложенную епитимью.

На самом деле Андрей в душе был рад, что именно такое наказание выбрал ему начальник заставы. И не без оснований – о стаховских методах расправы с нарушителями уставных

инструкций ходили разные слухи. Совсем не грело быть выброшенным в промежуточный шлюз и оставаться там, в полнейшей темноте, по колено в грязной воде, из которой то и дело показывались толстые, скользкие червеобразные существа. Десяти минут этого удовольствия вполне хватало для того, чтобы обдумать свой проступок и сделать надлежащие выводы. Поэтому сотня отжиманий на кулаках новичку была не страшнее штопанья старых портянок. Трудно, разумеется, особенно когда заходит где-то за восемьдесят, но зато цел и в тепле.

Илья Никитич извлек из костра тлеющую головешку, подкурил самокрутку и посмотрел в противоположный конец заставы. Там, на горе из мешков, выложенных почти до потолка, размещался второй пулеметный расчет.

– Эй, на точке! – выкрикнул он, выпустив изо рта плотное облако сизого дыма. – Вы что там, тоже заснули на хрен?!

Из-за наваленных мешков тут же вынырнули две фигуры: одна повыше и покрупнее, а другая тощая, с копной неухоженных волос. Их лиц не было видно, свет от разложенного внизу костра туда не доставал, но даже неопытному новичку было件нятно, что эти двое «на точке» тоже спали.

– Никак нет, товарищ командир батальона, – как можно бодрее ответил звонкий юношеский голос, принадлежавший тощей фигуре.

– Чай хлебаем, Илья Никитич, – дополнил второй, принадлежащий человеку постарше. – Не желаешь? Из термоса только, горячий еще.

– Из термоса? – голос Стахова заметно подобрел. – Можно и похлебать, если из термоса. Вояжеров только впустим сначала. – И, выдержав короткую паузу, добавил: – Каран, ты там за новичком следил бы лучше, а то дрыхнете небось оба.

– Не, не дрыхнем, – заверил его Каран. – А что, уже пришел вояж?

– Я ж говорю, блин! Чай они хлебают. – Стахов выпустил изо рта струю густого сизого дыма. – Хаким, обещаю – по тоннелям бегать будете, в полной выкладке и в противогазах!

Эхо его хриповатого, прокуренного голоса отразилось от голых бетонных стен, и тут же, будто в ответ на вопрос Карана, снаружи донесся мощный звуковой сигнал: два коротких гудка, один длинный. Машина подошла к первому, верхнему заслону.

– Давай подымайся на точку, – скомандовал Илья Никитич Андрею, прищурившись то ли от дымящей в зубах самокрутки, то ли чтобы внимательнее рассмотреть прыщавое лицо подчиненного. Затем причмокнул, недовольно качнул головой и сплюнул – резвость молодого бойца, по его мнению, оставляла желать лучшего.

Парнишка, на ходу растирая закоченевшие кулаки, вскочил по выставленным в виде ступеней мешкам наверх и оказался в укрепленном гнезде, где его уже ждали разложенные на специальных подставках ящики с боеприпасами и неизменный компаньон – станковый пулемет Калашникова, задравший черное дуло в холодную серую твердь потолка. Там было темно и зябко, костер с недавно подкинутыми в него дровишками остался внизу, и новичку его теперь чертовски доставало...

При слове «застава» воображение рисовало могучий, неподступный передовой пост, вставший на рубеже между жизнью и смертью. На самом деле северная застава представляла собой всего лишь ржавые двустворчатые ворота да пару пулеметных гнезд, прикрытых стеной из наполненных песком мешков. Застава держалась на честном слове, штопаные мешки то и дело рвались, просыпая на землю ценный песок, ворота слетали с петель, пулеметы клинило в самый неподходящий момент, а разное тварье с поверхности почему-то именно ее избирало для самых своих яростных, неистовых нападений. Почему-то твари с куда меньшим рвением и частотой атаквали южную или юго-восточную заставы, а все перли на северную. Может, чувствовали, гады, что хлипкая северная застава, а может, и в другом было дело – кто ж разберет?

Покуда не поднят заслон – металлическая плита с непонятной обычным солдатам аббревиатурой N. P. S., отделяющая заставу от промежуточного шлюза, – могло казаться, что так

тихо тут будет всегда. Что ничего страшного в несении службы на северной нет и волноваться не о чем. Что стена мешков выдержит натиск и сотни озлобленных валебрисов... Но стоит заслону приподняться хоть немного, и бывшее затишье превращалось в беспощадный шторм.

Потому и неудивительно, что желающих попасть в наряд на северную и днем с огнем не сыщешь и шли они туда, как на войну, прощаясь с родными и близкими. Исключение составляли лишь юнцы, желавшие доказать всем, и себе в первую очередь, что они «тоже могут», ну и непосредственно начальник заставы – командир батальона охраны Стахов Илья Никитич да еще его заместитель – Хаким Каранов. Этим двоим против воли приходилось заглядывать смерти в глаза в десять раз чаще остальных.

Стахов закрыл за собой скрипящие старыми, несмазанными петлями ворота, задвинул их на два засова и поднялся к новичку.

Сигнал снаружи повторился. Ох уж этот длинный... Это значило, что «Монстр» притянул за собой «хвост». Явление, конечно, отнюдь не редкое, особенно в последние дни, когда вояжеры делают по два-три выезда за ночь, но Стахов был почему-то уверен, что чаще всего эта махина тащит на себе всякую нечисть именно в понедельник и четверг, будь они неладны, в дни его дежурства. И сейчас, услышав этот длинный финальный сигнал, он ничуть не удивился. Странно было бы услышать только два коротких, такого подарка от судьбы ждать бесполезно. Особенно под утро.

– Тьма бы их поглотила, – зло прошептал Илья Никитич, доставая из ящика пулеметную ленту. – Каждый раз волокут за собой какое-то дерьмо, соплежуи хреновы! Патроны они берегут!

Новичок по имени Андрей украдкой взглянул на начальника заставы и пришел к выводу, что к концу смены тот уже смотрится не ахти. И хотя сегодняшнее дежурство выдалось даже чересчур тихим, Стахов выглядел так, будто единолично отбил наступление орды зомби. Сказывались то ли изнурение от последних дней, то ли еще что, но комбат сейчас казался ему совсем не тем человеком, с которым он заступил на дежурство двадцать часов назад. Тогда он величаво прохаживался по заставе широкими шагами, не давая уснуть ни ему самому, ни тем двоим, что боролись со сном на другой точке. Подбородок приподнят, плечи расправлены, спина прямая как гладильная доска, а глаза – лишь узенькие щелочки, следящие за каждым движением, за каждой тенью, возникшей в пределах заставы. Теперь же его лысая голова припала пылью, как у того бюста вождя из прошлого, которого однажды ради шутки прихватили с поверхности вояжеры, изуродованное шрамами лицо перекошено в ядовитой ухмылке, навевающей страха больше, чем приоткрытый заслон шлюза, а во взгляде вместо привычных требовательности и бдительности читались усталость и плохо скрываемая тоска.

«Ему бы отдохнуть, – подумал Андрей, подсчитав в уме, сколько же суток Илья Никитич ходит в наряды. – Вчера на восточной, позавчера на юго-западной... Дня три точно, может, даже и все четыре, хотя должен был лишь дважды за неделю».

Смысл этого самоистязания Андрею не был ясен, понял он лишь одно – долго тот так не протянет. А Стахов, будто услышав, о чем думает его малолетний подчиненный, приложил последние усилия, чтобы согнать с себя явные симптомы усталости. Провел ладонью по лицу, закрыв глаза, встряхнул головой, потом быстро заложил ленту в пулемет и, клацнув затвором, повернулся к салаге с прежним строгим видом.

– Стрелять из этой штуковины умеешь? – указал он на пулемет.

– А то как же, Илья Никитич, – обиженным голосом ответил новичок. – Не первый раз в наряде.

– Во как? Это куда же ты в наряды ходил-то? – насмешливо прищурился Стахов.

Андрей посмотрел на висящую за спиной комбата карту Укрытия, наклеенную поверх никому не нужной живописи в деревянной раме, и на мгновение призадумался. Там была схема Укрытия, издали напоминающая нарисованное двухлетним ребенком солнце – неровный круг

и отходящие от него шесть лучей. Это были тоннели с промежуточными шлюзами, из которых три жирных луча – это транспортные: северный, восточный и юго-западный, и три тонких – узкие штольни: северо-западный, западный и юго-восточный. Последние раньше служили вентиляционными шахтами, но когда фильтры убрали за ненадобностью, их стали использовать как дополнительные выходы наружу.

– Да только на «юзу» уже раз десять с начала лета в наряд ходил, – как можно бойче ответил Андрей, предполагая, что дежурство в юго-западном кордоне послужит для Стахова отличной рекомендацией. – А на восточный и «юву» раз двадцать, наверное.

– И что? Хорошо на «юзе» спится? – ужалил его ветеран. – Ты только мне не рассказывай, почему в Одессе рубероид, ладно? Знаю я эти ваши дежурства на «юго-западке»: две машины в сутки впустите-выпустите, а потом Тромбон спит и вы все спите. Дозвониться к вам все равно что на тот свет. – Стахов махнул рукой. – Сколько раз стрелял по живым целям-то?

– Ну если на заставе, то раз сто, наверное, – удвоил свои истинные показатели Андрей.

– Сто, говоришь? – задумчиво повторил комбат. – Значит, вот что. На пулемет тебя пока не поставлю, подстрахуешь если что со своей пшикалки, – кивнул он на Андреев укороченный АКС. – А придет «Резвый» где-то часа через два, тогда, может, и постреляешь. Понял?

Андрей нахмурился, отложил свой автомат в сторону и облокотился на мешок, давая понять, что ожидал-то он от первого своего наряда на «северке» немного больше, чем просто «подстраховать со своей пшикалки». Сделать это он мог и на любой другой заставе. Конечно, сказать об этом вслух не посмел. Тем более не стоило наглотать после того, как проштрафился, уснув на посту. Кто его знает, какие мысли бродят в голове начальства? Передумает Стахов, и все. Потом лишь отпишется в рапорте: мол, боец уснул на посту, был наказан, выдворен с целью отбывания наказания за заслон и там... Кто же думал, что так получится – пропал!

А ведь что самое главное, Стахову-то ничего не будет, его даже судить не станут – таких не судят, а его, Андрея, сожрут те черви, что пожирают трупы расстрелянной на заставе нечисти – их же просто в шлюз выбрасывают, трупы эти, а через час от них уже ничего не остается... И, представив себе, что, подняв заслон, его могут не найти, Андрей весь скукожился и громко засопел, всячески пытаясь отогнать от себя дурацкие мысли.

Илье Никитичу было уже за сорок. Он, конечно же, был строгим, а иногда и излишне жестким в отношении воспитания новобранцев, но большинство из тех страшных слухов, что о нем ходили, были всего лишь выдумками, сочиненными как раз для таких случаев. Выбрасывал бойцов он в промежуточный шлюз всего лишь несколько раз, и было это уже так давно, что и сам он толком не помнил, кого и за что наказывал. В основном мог врезаться по шее или схватить новичка за шиворот и швырнуть куда подальше. И как бы там это ни называлось, но оно действовало. В следующий раз они сто раз подумают, утверждал Стахов, прежде чем приступить у костра и начать мечтать черт знает о чем. На кордонах для них нет ящика с мечтами, только с патронами, дровами и продпайком.

Большую часть своей жизни Илья Никитич провел на заставах Укрытия. Так уж тут заведено, в этой подземной империи выживших, что перед каждым трудоспособным мужчиной стоял выбор: либо военное ремесло, либо «научка» (если есть задатки для изучения точных наук и дальнейшей работы в лабораториях), либо «гражданка». Но последнее, несмотря на свое мирное название, вовсе не работа в теплом офисе или вращение баранки. Это обработка земли, это тщательный уход за едва прорастающими из грунта чахлыми, бледными растениями, это рутинная работа на фермах и в металлургических цехах. Другого здесь не дано. Стахову как потомку военачальников в третьем колене даже в страшном кошмаре не могло привидеться, что он вспахивает землю, ухаживает за скотом или работает на фабрике, изготавливающей топливо для машин. И дело не в том, что он боялся труда, презирал хозяйственную работу или чурался провонять коровьим дерьмом, нет. И даже родословная, о которой он, по сути, так

мало знал, здесь была ни при чем. Призвание свое он почувствовал, когда впервые взял в руки оружие. Вот оно – его орало и его молот, его хлеб и его суть.

Нет, он не видел себя славным воином, завоевывающим мир, не мечтал стать притчей во языцех, не грезил о подвигах и геройстве, не думал, боже упаси, об условиях жизни лучших, чем заслуживает обычный работяга. Илья Никитич считал себя лишь маленькой боевой единицей, ставшей препоной на пути нежити к миру, в котором еще теплится жизнь. Видел себя эдакой спичкой, воткнутой в желоб, по которому стекаются в их жилище всяческие нечистоты. Вот он, а вот его дружина – такие же спички, десятки, сотни спичек, которые стоят в ряд, плечом к плечу, готовые грудью принять все те напасти, что ниспошлет им немилосердная судьба. Готовые сломаться, лишь бы не пошатнуться, не быть снесенными тем потоком грязи, что несется из сточных труб отравленного мира в их дома, к их больным детям, изможденным тяжелой работой старикам и женам, в чьих глазах больше не находилось места для надежды, любви, огня. В которых уже много лет лишь потухшие поленья и пепел.

Его удел был предопределен еще с того самого дня, когда его, десятилетнего, родители, находясь уже здесь, в Укрытии, передали пожилой паре и попросили присмотреть, пока у них не закончится совещание... Но совещание тогда закончилось стрельбой. Из администрации в тот день под простынями с бурыми пятнами вынесли множество трупов, среди которых были и его родители.

А спустя шесть лет Стахов получил свой первый, самый глубокий шрам, тянущийся от левой брови через все лицо и до мочки правого уха. Это было его первое дежурство на северной заставе.

– Поднимай первый заслон, – будничным тоном скомандовал Стахов, и юноша с многозначительным видом ткнул пальцем в большую прямоугольную кнопку с цифрой 1 на контрольном блоке, прикрепленном к стене за их спинами.

– Едет! – радостно доложил Андрей, чувствуя, как его пробивает мелкая дрожь.

Он ждал этой минуты целые сутки. Как назло, сегодня в северном направлении не выехала ни одна машина, а две приехавшие перед «Монстром» ничего занятого не привезли. Каран и Стахов о лучшем и не мечтали, а вот Андрею и Рыжему, тоже впервые попавшему в наряд на северную, становилось скучновато.

Андрей был наслышан о творившихся здесь ужасах, однако застава влекла его к себе неудержимо, как тянет к спрятанному на чердаке сундуку, в котором находится то *нечто*, о чем и спрашивать-то запрещено, не говоря о том, чтобы посмотреть. В детстве разные страшилки об этой заставе ему рассказывала бабушка, дабы он, играя, не приближался к тоннелю, обозначенному магической буквой С. Но это, конечно же, не действовало, и к тоннелю он все же подходил, дабы хоть вполуха послушать те таинственные звуки, которые из него долетали. Иногда там стрекотал пулемет, иногда кто-то протяжно скулил, иногда ревел голодным медведем, иногда кричал от боли, а иногда даже тишина была такой осязаемой, такой натянутой, такой липкой, что больше не нужно было никаких звуков, чтобы почувствовать дыхание смерти.

Позже бабушкины страшилки стали больше походить на правду, особенно когда рассказчиком был его школьный друг Олег, отец которого сам заступал в наряды. А повзрослев, Андрей понял, что это и не выдумки вовсе. На северную заставу постоянно нападали всевозможные твари: и хорошо знакомые, и совсем неизвестные, отдельные особи и целые стаи. Иногда после таких атак приходилось собирать изуродованные, нередко начисто лишившиеся конечностей тела, а то и вовсе сгребать в целлофановые мешки кровавое месиво. Но для юношей лучшего способа самоутвердиться нельзя было и сыскать.

– Закрывай и приготовься поднимать второй. Порядок помнишь? – Глаза Стахова холодно сверкнули, лоб рассекла глубокая морщина. – Повтори.

– Когда раздастся сигнал, приподнять заслон на четверть, посчитать до трех и включить сначала передний прожектор, затем боковые. После чего занять боевую позицию и действовать по обстоятельствам, – ответил Андрей давно заученными фразами.

– Считать быстро, – напомнил ему Стахов.

«Монстр» был уже близко, о чем свидетельствовали плеск разбрызгиваемой воды и усиленное бетонными стенами резонансное клочкотание мотора. Наконец двигатель заглох, и раздался короткий одиночный сигнал.

– Эй, на точке! – выкрикнул Стахов. – Полная готовность!

– Есть полная готовность! – ответил тот же юношеский голос.

– Стрелять только по движущимся целям! Патроны попусту не тратить! Увижу лишнюю дыру в стене, сделаю в ваших головах точно такую же! – Потом повернул голову к Андрею и сказал почти шепотом: – Ну, с Богом. Открывай.

Андрей нажал на кнопку с цифрой 2. Отпустил. Нажал еще раз. Заслон, как и положено, поднялся на полметра.

В свете угасающего костра ворвавшиеся в тоннель твари чем-то отдаленно напомнили ему тех, что были нарисованы на плакатах в учебке. На самом деле они оказались совсем не такими миролюбивыми и забавными, как выглядели на бумаге. Это были собаки.

Сосчитав до трех гораздо быстрее, чем это нужно было, Андрей толкнул пальцем тумблер, и над его головой щелкнуло реле огромного прожектора. Свет яркой внезапной вспышкой накрыл плац вплоть до приподнятого заслона, застав четырех тварей, несущихся по направлению ко второму пулеметному расчету, на полпути. Но на них включенный яркий свет не повлиял никоим образом – они продолжили свой четко скоординированный бег навстречу пулемету.

Лишенные кожного покрова, с раздвоенными, будто от удара топором, мордами, гниющим обрубок хвоста и с дырами на месте глаз, из которых постоянно сочилась беловатая слизь, эти твари были самыми уязвимыми из всех, кого можно было встретить на поверхности. Даже несильный пинок причинял им столько боли, что на какое-то время скулящее, агонизирующее существо становилось поистине жаль. Но вместе с тем любой сталкер с уверенностью скажет, что собаки – это самые коварные и самые хищные создания, которых только могла породить зараженная неизлечимым вирусом, больная природа, создания со странным видением красоты и даже со своеобразным чувством юмора.

И немудрено – псы обладали развитыми телепатическими способностями, прекрасным, гораздо более чутким, нежели у их предков, обонянием, а также очень хорошо умели действовать сообща. Они всегда ходили стаей. И если речь шла о нападении на заставу, первую партию они неизменно направляли, что называется, на убой, заранее зная, как именно поведут себя люди, стоящие за пулеметами в своих хорошо укрепленных гнездах. У них была своя тактика, и каждый раз в ней что-то менялось.

Первый залп, в соответствии с правилами, прозвучал, когда четверка псов уже готовилась сделать прыжок. Короткая пулеметная очередь, коричневая кровь брызнула на мешки с песком. Ни одного патрона мимо, как и приказывал Стахов.

В проеме под заслоном показалось еще несколько раздвоенных морд. Следующая партия. Эти разделились. Трое бросились на штурм той же точки, под которой уже дергались в предсмертных конвульсиях их собраты, а двое метнулись к Стахову и Андрею. И за мгновение до того, как Стахов успел нажать на курок, в проем из шлюза прошмыгнуло еще около десяти особей. Эти действовали согласно какому-то высшему, понятному только им одним плану: разделились примерно восемь к двум, кинулись сначала в обе стороны, но потом, вновь смешавшись в стаю и заставив стоящего за пулеметом Карана сделать дюжину дырок в бетонном полу, ломанулись на точку Стахова. Пока первые из них получали свою порцию свинца

из пулемета (такое впечатление, вполне предвиденную неким Собачьим Разумом), трое самых отважных прижались к земле в готовности сделать прыжок.

Апорт! Стахов, насмотревшийся за свои годы на дрессированных псин, ни капли не удивился, но для Андрея это было что-то из ряда вон выходящее. Псы прыгнули так слаженно, будто в них сработал какой-то единый механизм.

Илья Никитич их сразу же отбросил назад очередью из задыхающегося пулемета, но следующей паре едва не удалось достичь цели – их морды мелькнули в каких-то двадцати сантиметрах от испуганного лица Андрея.

Не растерявшись, он дал по атакующим псам очередь. Потом, подбодренный успехом, еще раз и еще, и не отпускал курок, пока в рожке не стало пусто. Пять секунд на перезарядку и снова в бой!

Но хитрых тварей не убавлялось. Сколов в бетонном полу становилось все больше, а собачье из темного проема непрерывно прибывало, будто за «Монстром» в шлюз ворвались все столичные выводки. Партия за партией. Некоторые из них, по крайней мере, так показалось Андрею, сознательно отвлекали огонь на себя, давая возможность другим подобраться к возвышениям из мешков поближе.

– Ч-е-е-ерт!!! – завопил Каран, видя, что в безумном темпе подпрыгивавшая у его ног лента становится все короче и короче.

Времени на перезарядку оружия нет. Прекратишь стрельбу хотя бы на минуту, они обязательно допрыгнут. Господи, они же только этого и ждут! Ждут, когда у нас закончатся патроны, чтобы вывести из тени свои основные силы! От этих мыслей Андрею стало не по себе. Он впервые осознал всю опасность и близость смерти. Такой клыкастой, страшной и безглазой.

Инстинктивно в его голове мелькнула мысль: нужно схватить чертову трубку с настенного аппарата и выкрикнуть, что у них код «один-семь»! Нужно запросить подмогу, ведь всего в тридцати метрах дальше по тоннелю размещена вторая северная застава! Один звонок, и помощь придет. Обязательно придет...

Нет. Отступают. Слава богу, твари иссякают. Их сил не хватило совсем чуть-чуть для того, чтобы осуществить зловещий план.

– Прекратить огонь! – рявкнул Стахов над ухом у Андрея.

Для Карана этой команды и не понадобилось – пустая лента лежала на полу, в грудке пустых дымящихся гильз, а в рожке его автомата оставалось не больше пяти патронов.

– Штаны не намочил? – Лицо Стахова искривила скупая улыбка.

– Да они же... чуть не допрыгнули сюда. – Переводя дыхание, Андрей безвольно опустился на мешок. Расстегнув верхние пуговицы на кителе, опустил автомат на пол.

– Они всегда чуть не допрыгивают, – успокаивающе произнес Илья Никитич.

– А если патроны кончатся?

– Если не палить куда попало, то патронов хватает и перезаряжаться успеваешь. Пока заслоны работают, можешь не дрейфить, сынок.

– А если перестанут работать? – не унимался Андрей, сверля глазами деревянный пол.

– Не перестанут, – заверил Стахов, не утруждая себя подробным объяснением почему. Оценивающе посмотрел на корчащиеся тела собак. Потом сплюнул в сторону и недовольно покачал головой: – А дыр-то понаделали. Снайперы, м-мать...

«Монстр» выкатился из шлюза в тоннель, давя еще живые, беспомощно подергивающиеся тела тварей, и остановился перед ржавыми воротами заставы. Заглушил двигатель.

Мало кто уже вспомнит, за что именно этот образец военной автотехники, предназначенный для перевозки людей и имевший мирное название «Урал», обрел свое прозвище. Наверное, причина во «внешности», что могла нагнать страху на кого угодно. Достаточно одного взгляда на огромный клин впереди, которым «Монстр», подобно ледоколу, расчищал себе

путь, зачастую пробиваясь сквозь стены живых масс, на пулеметы на крыше фургона и на боевой прицеп «База-1», чтобы понять – это вам не гражданский грузовичок.

Укрепленный дополнительными листами металла кузов вместе с забранными решетками стеклами и фарами делал облик машины еще более грозным. Все это превратило обычный «Урал» в железного монстра с выпученными глазами – ошестинившегося, опасного, злобного, готового смести любую преграду на своем пути. Истинно монстр о шести колесах!

Водительская дверца со скрипом отворилась, и из кабины высунулось расплывшееся в лучезарно сияющей улыбке лицо. На голове от ярко-оранжевой шевелюры водителя остался лишь жесткий гребень. Чудаковатый водитель «Урала», совмещающий должности сталкера и вояжера, был личностью неординарной и даже не совсем, на первый взгляд, нормальной.

О, Андрей был наслышан об этом человеке. И в частности, о его гребне, который тот считал прической и называл замысловатым словом «ирокез». Что сие значило, для многих было загадкой, но подобным персонажам в Укрытии уже никто не удивлялся – десять лет постоянных вылазок не могли не сказаться на психике человека. И хотя, находясь в Укрытии, он появлялся на людях чрезвычайно редко, Андрею все же доводилось несколько раз видеть этого человека на улице. Но детально разглядеть его было невозможно: тот всегда одевался в черный брезентовый плащ и вечно нахлобучивал на голову капюшон, закрывающий как гребень, так и лицо.

Вот никогда не перестаешь удивляться этим людям – сталкерам. Возвращаются с поверхности – светятся от счастья, как получившие подарок дети. А побудут дома дня два – и начинают чахнуть, как вырванные из благодатной почвы растения. Говорят, сталкером стать нельзя. Как нельзя овладеть каким-либо талантом в результате обучения. Можно стать стратегом, опытным командиром, разведчиком, вояжером, метким стрелком, но стать сталкером – никогда. Это как карточный шулер. Есть люди, которые во что бы то ни стало стремятся ими быть: тренируют память, руки, тратят все силы на изучение всевозможных карточных комбинаций и способов смухлевать, учатся понимать психологию и логику игрока, да что там говорить – у некоторых на это уходит полжизни! А есть люди, которые этим даром просто обладают. Заложено это в них, как заложен в человеке музыкальный слух, благодаря которому можно распознать утонченное звучание небесных флейт на фоне урчания десятка экскаваторов.

Но там, на поверхности, недостаточно быть просто одаренным шулером – нужно быть фантастически одаренным шулером, чтобы, поставив на кон свою жизнь, уметь так обманывать собственную судьбу, как этот чудила с гребнем и его друзья. Так мухлевать, чтобы повесить дьяволу шестерки на погоны и, незаметно подложив себе пики в прикуп, оставлять смерти самую шваль. Уметь сохранить свою жизнь и еще сорвать банк!

– Здорово, Илья Никитич! – Весело выкрикнув приветствие, «ирокез» спрыгнул на землю. Андрей заметил, что странная у него не только прическа, но и одежда. Если это можно было назвать одеждой вообще – красные широкие штаны из блестящей атласной ткани со свисающими лоскутами белой бахромы по бокам и широкий черный пояс, несколько раз обмотавший талию. Выше – голый торс, какие-то разноцветные повязки на руках и шее, татуировки с мудреными узорами на груди и правом плече.

Андрея при виде этого полунагого человека передернуло, словно он нюхнул нашатыря. В тоннеле, конечно, было не настолько холодно, чтобы надевать бушлат, но снять с себя китель и майку он отказался бы даже под угрозой расстрела.

– Здоров, Бешеный, – безо всякой радости в голосе ответил Стахов, свесившись своим массивным телом с гнезда. – Ты что за собачье кодро притащил? Патронов, может, пожалел? Или мне решил подарок преподнести?

– Да что вы, Илья Никитич, – развел руками названный Бешеным чудак, – какие подарки? У нас патроны закончились еще часа два назад. Обстреливали этих гадов, пока все запасы не истратили.

– Обстреливали? – скептически сощутив правый глаз, переспросил Стахов. – Зачем? На «Монстра» вашего кидались небось?

– Все вы, Илья Никитич, не верите. Все считаете, что мы за ваш счет отдуться хотим. Думаете, мне в радость пускать эту гадость в шлюз? Да была бы возможность, я своими руками их передушил бы. Всех. Они же, гниды, нам прохода не дают. Вон с Почтовой площади еле ноги унесли. И то, твари, со всех сторон обкладывают! Так хитрят, сучары!

– Ладно, ладно, своими руками он... – отмахнулся Стахов и вытащил из кармана еще одну аккуратно склеенную самокрутку. – Ты лучше скажи, что на Почтовой делал-то, вас ведь вроде как на тот берег отправляли.

С другой стороны машины открылась пассажирская дверь, и над кабиной показалась крупная лысая башка. Лицо у этого типа было отнюдь не таким открытым и дружелюбным, как у Бешеного, а черные, хитро прищуренные глаза свидетельствовали о том, что личность это неординарная, опасная, не терпящая развязности и душевных бесед, а также не привыкшая отчитываться перед вояками. На его голове не было ирокеза, как у напарника, но и быть ему там, даже при всем желании, негде – шов на шве, шрам на шраме, будто кожу на череп сшили из неровных лоскутов ткани телесного цвета. А жилистая шея и мощная трапеция, выглядывающая из-под расстегнутого защитного костюма, красноречиво намекали, что обращаться с этой одиозной личностью рекомендуется очень деликатно, а лучше вообще не донимать лишними расспросами – чтоб потом себе дороже не оказалось.

Впрочем, вся показная мощь и дерзость были ориентированы на солдатню, на Стахова же, не привыкшего лебезить ни перед кем, эти понты уже не распространялись.

Звали этого человека Тюремщик.

Никто и не помнил уже, как он, безотцовщина, не потомок ни олигарха, ни политика, ни, на худой конец, звезды эстрады, оказался в Укрытии. И уж только единицы знали о том, что он начиная еще с двенадцатого года жизни имел серьезные проблемы с законом, стоял на учете в детской комнате милиции, а в *тот день* вообще направлялся в колонию для несовершеннолетних. Лишь по воле слепого случая вместо тюремной клетки он попал в Укрытие, но за тридцать лет, проведенных в его стенах, так никому и не рассказал, за что именно был осужден.

«Вот это – настоящий сталкер, – восторженно рассматривая грудку выпирающих из-под одежды мышц, подумал Андрей. – Как же он похож на того актера с обложки диска, что Олег выменял у какой-то девчонки в школе... Как же он назывался? „Хроники Риддика“, во! Как две капли воды. Вот бы уж посмотреть то кино, – продолжал мечтать Андрей, – ну точно, наверное, не отличишь одного от другого».

– Никитич, хорош допросы устраивать, без тебя есть перед кем отчитываться, – буркнул, склонив голову набок, Тюремщик и скорчил кислую рожу. – Сам знаешь, как бывает: туда отправили, а сюда приехали. Чего тут непонятного-то?

– Ну да, ну да, пути вояжерские неисповедимы, – понимающе закивал Стахов.

– Ладно тебе там ворчать, Илья, – подмигнул он и спрыгнул с подножки в громко хлюпнувшую лужу крови. – Спустишь-ка лучше сюда, я покажу тебе кое-что. А после будешь свои вопросы задавать. – И добавил тихо, почти неслышно: – Это если не забудешь, о чем спросить хотел.

Стахов очередной раз затыкнулся, выпустил облако сизого дыма и, важно покачиваясь со стороны в сторону, направился к ступеням. Так уж повелось – если Тюремщик говорит *«кое-что»*, значит, посмотреть будет на что. Об этом знал и Андрей, однажды услышавший историю о том, как Тюремщик доставил в лабораторию чей-то глаз размером с колесо «Монстра», озадачив почти всех профессоров в «Бионике». А тех удивить было ой как непросто. А на прошлой

неделе, когда Тюремщик произнес свое «кое-что», в кунге его машины оказалось десять ящиков пятизвездочного коньяка, один из которых благополучно осел здесь, на северной заставе, и был добросовестно уничтожен (без ведома Стахова, разумеется) в течение нескольких дней, за что вечная слава доблестному сталкеру!

Но видеть самого Тюремщика Андрею приходилось очень редко. Он, так же как и его странный друг Бешеный, в людных местах появлялся в исключительных случаях. В основном же пропадал в самостоятельно вырытом подвале на дальней окраине Укрытия, где был и его дом, и тренажерный зал. Такой уж народ эти сталкеры – стеснительный и робкий.

Поэтому, когда Андрей услышал опять это «кое-что» из уст Тюремщика, он тут же, почти не контролируя себя, забыв обо всех своих страхах и усталости, понесся вниз вслед за Стаховым. Оставил наверху даже свой автомат, за что имел все шансы схлопотать оплеуху. Но думать об этом он уже не мог.

– Снова набрел на водочный Клондайк, Тюремщик? – в предвкушении очередного сюрприза спросил Стахов, распахивая стонущие старыми петлями ворота.

– Е-если бы! – протянул тот. – Больше такого Клондайка не сыщешь. А в подвалы лезть без лишней надобности отчего-то, батенька, не очень-то и хочется. Вот если бы убрать бутылку сначала для храбрости, тогда может быть. Глянь-ка лучше, что мы нашли сегодня на Почтовой.

Стахов, осторожно переступая через трупы собак, подошел к Тюремщику, взглянул внутрь фургона. На его лице тут же появилась непонятная улыбка. Словно ему представили старого знакомого, с которым триста лет бы не видеться: одновременно и разочарование, и удивление с примесью отвращения.

– И на что мне смотреть? – повел рукой Стахов и уставился на Тюремщика. – Ты приволок сюда дохлого проклятого? И что?

Из-за его плеча заглянул в фургон и Андрей. И хотя его лицо не выразило удивления, разочароваться он успел не меньше Ильи Никитича. Проклятый? И все?

Протянув вперед, словно защищаясь, когтистые полужвериные руки, на полу кунга недвижимо лежало скрюченное, тощее, как тарань, заиндевевшее серое тело, покрытое плотным слоем пыли и грязи. Оно было сплошь изрезано чьими-то острыми клыками и когтями. Глаза выцарапаны. Лицо, или же морда – черт поймешь, как правильнее, – почти ничего не выражающее при жизни, сейчас вообще было похоже на засохшую тыкву с круглым провалом рта и отверстиями для глаз. Череп был в одном месте продавлен, в другом зияла дыра величиной с кулак. Вокруг рта черная кожа потрескалась, будто проклятый кричал не один час, зовя кого-то на помощь. Своих, чужих – без разницы. И хотя известно, что проклятые никогда не зовут на подмогу – их загробный вой может означать что угодно, только не призыв о помощи, – казалось, этот все же звал. Тело выглядело таким истерзанным, таким несчастным, таким жалким, какими они еще ни разу не видели трупы проклятых. Да, их находили на поверхности, да, они могли пасть в неравной битве с собаками, да, их могли убить банкиры, да, они могли попасть в аномальные поля, да, их, в конце концов, могли застрелить сталкеры, но, черт побери, их никогда не видели мертвыми в такой жалкой позе и с таким множеством ранений. Они всегда умирали, как бы это безумно ни звучало, с достоинством, не становясь на колени, никогда не прося о помиловании, не закрываясь руками, не пряча голову, не проявляя ни страха, ни страдания...

Но, в общем-то, для Ильи Никитича этот фактор, равно как и наличие самого высохшего тела проклятого, не представлял никакого интереса: ну, сдох так сдох. Мало ли что на поверхности происходит? Вон ученые заявляют, что в мире каждый день природа-матушка создает какие-то новые жизнеспособные образцы флоры и фауны, полностью приспособленные к условиям существования в нестабильной среде, и в разы мощнее тех особей, что есть сейчас. Так чему удивляться, что этого бедолагу кто-то заставил упасть на колени и закрываться руками?

Стахова сейчас больше занимало другое: опытный сталкер, конечно же, не стал бы тащить в Укрытие просто так тело мертвого мутанта – к нему ведь и прикасаться-то лишний раз

неохота, – а значит, он еще чего-то недопонял. В чем-то здесь крылся подвох, но в чем? Илья Никитич беглым взглядом окинул еще раз скрюченное тело и посмотрел на Тюремщика, пытаясь разгадать, в чем же тогда секрет этого чуть ли не брызжущего искрами взгляда.

– Ты что, не видишь этого, Никитич? – спросил он.

– Не вижу – что?

– Ну вот же, глянь! – Тюремщик потянулся к мертвому телу и выдернул из-под него клок синей материи. – Видишь?

– И что? У нас одетый проклятый?

– Не в этом дело, – терпеливо качнул головой сталкер. – Но подумай: ты выдел раньше что-либо подобное? Только честно?

– Постой, постой, – захлопал ресницами Стахов и встряхнул в воздухе указательным пальцем. – Ты же не будешь мне сейчас рассказывать, что проклятые начали эволюционировать, превращаясь обратно в людей? Сегодня они в одежде, а завтра они будут пользоваться расческой? Скажи, что нет!

– Ты так и не понял, – коротко качнул головой Тюремщик и протянул Илье Никитичу другой клок материи, такого же синего цвета, только побольше. Сомнений не было – это была та же ткань, что и выдернутый из-под проклятого клок. Но на нем имелось еще кое-что. То, что заставило Стахова действительно забыть обо всем остальном и, вперившись полными изумления глазами в темный прямоугольник, аккуратно пришитый к материи серыми нитями, самозабвенно водить по нему пальцами, будто определяя подлинность древнего гобелена.

Это была нарукавная нашивка, шеврон, с изображенным на нем выезжающим из тоннеля поездом, а сверху была надпись: «Харьковский метрополитен». Стахов поднес его к глазам, внимательно рассматривая каждую букву и пытаясь привести в порядок взбудораженные, как стая напуганных ворон на городской площади, мысли.

– Что ты хочешь этим сказать? – Он поднял на Тюремщика полные недоумения глаза. – Что этот проклятый притащился сюда из Харькова?

– Из Харькова? – переспросил рыжеволосый напарник Карана. – А где это, Харьков?

– Я ничего не хочу сказать, но думаю, что да. – Тюремщик пошарил рукой за закрытой створкой фургона. – Вот.

Он протянул Стахову зеленый армейский вещмешок. Точнее, то, что от него осталось. Изодранный весь, дырявый, с одной только целой шлейкой, тем не менее не пустой. В нем что-то было, небольшое и негрузное, что-то, что принадлежало мертвому проклятому. И это обстоятельство придавало ситуации еще большую загадочность. Ведь проклятые, уподобившись зверям, не нуждались ни в одежде, ни в ручной поклаже.

Стахов пошарил в мешке и вытащил... ветхий, округлой формы аппарат с ручкой для ношения, посеребренными кнопками и тумблерами разной величины.

– Что это? – первым нарушил тишину Андрей, в десятый раз перечитав ничего не объясняющее название странной вещи «Panasonic».

– Проигрыватель, – ответил кто-то из-за спины.

– Ты включал его? – спросил Стахов у Тюремщика.

Тот кивнул.

– Разок только, и то не до конца, – ответил Бешеный. – Боялись повредить, его и так собаки по всей улице мотлошили... вещмешок этот...

Стахов аккуратно, будто держа в руках хрупкую статуэтку, повертел проигрыватель, осмотрел его со всех сторон, особенно приглядевшись к железному набалдашнику, примотанному к отсеку, где должны были быть батарейки, и затем так же аккуратно, словно тот вот-вот мог рассыпаться, поставил на металлический пол фургона. Откуда-то со дна колодца памяти всплывали какие-то пузырьки с застывшими в них размытыми фрагментами. Цветными, но расплывчатыми, словно смотришь на них через рифленое стекло. И лица там были какие-то

ненастоящие: румяные, загорелые, со странным оттенком кожи, не таким белесым, как у него и у всех людей подземелья, и улыбались они как-то по-другому, и смеялись не так, и звучала там удивительная музыка. Живая, дышащая, заигрывающая.

Музыка...

Стахов вытащил очередную самокрутку, нервно потеревил ее пальцами и поднес ко рту. Чиркнул от воротника спичкой. Затаился.

– А это точно было у него в рюкзаке?

– Да, – кивнул Тюремщик, – рюкзак был недалеко от этого бедняги, когда мы его нашли.

– Толком можешь рассказать, как это произошло?

Тюремщик огляделся, будто проверяя, не подслушивает ли их посторонний, почесал заросшее щетиной лицо.

– Как-как... Музыка, значит, играла у нас в машине, и тут помехи пошли. Я сразу смекнул, что это радиомаяк. Помнишь, лет десять назад у нас такие тоже были? – Стахов кивнул. – Так вот, они всегда звук гасили. Так же и сегодня: едем, значит, возвращаемся по проспекту, музыку слушаем, и вдруг как завизжит эта хрень! Ну, мы и поняли, что где-то поблизости кто-то пеленгует. Начали искать и нашли этого, – он кивнул на труп, – у входа в подземку... на Почтовой. Бедолага хотел прорваться в метро, а там же – сам знаешь – заслон. Так он в двери колотил, пальцы вон до костей посбивал, там вся дверь в засохшей крови. А рядом маяк на автопеленг выставлен. Мы, значит, его взяли, а тут это собачье полчище... Еле оттуда ноги унесли. Ну а по пути уже увидели этот рюкзак, поняли, что это его. Пришлось отбивать у собак.

– Понятно, – настороженно продолжая оглядывать аппарат, сказал Стахов. – Как думаешь, сколько он там пролежал, у Почтовой?

– Ну, судя по тому, что он уже высох, думаю, не меньше трех месяцев. Солнце туда не доставало, тенек там, потому и не сгорел. А хотя... черт его знает, как там на них солнце влияет, их вроде и днем видели прогуливающих. Может, и не берет вовсе?

– М-да. – Стахов озадаченно потер припыленную лысину. – Три месяца провалялся, это срок. Что ж, посмотрим, за какие грехи погиб этот дальний странник.

Он поводил над проигрывателем рукой, словно пытался его загипнотизировать, и надавил на кнопку с изображением треугольника. В углу загорелась красная лампочка, что-то внутри загудело, и белый диск под прозрачной крышкой закружился. Сначала динамик исторгал из себя только шум помех, какой-то шорох и стрекотание, но потом из него зазвучал голос. Мужской, ровный, спокойный.

«Здравствуйте, дорогие братья и сестры из Киевского метрополитена! Мы верим, что вы слушаете эту запись, а это значит, что мы не напрасно наделись и уповали, возлагая молитвы к Господу, что вы есть и вы живы! Это голос ваших братьев из Харьковского метро, и если наш посланник донес его до вас, то это значит, что мы не единственные выжившие и теперь у нас появится Великая Надежда! Да будут пророчеством мои слова!

Дорогие друзья, мы – братство Христиан, последние жители станций „Советская“, „Проспект Гагарина“ и „Спортивная“. Мы из последних сил отбиваем атаки врагов, удерживая оборону нашего дома. Мы нуждаемся в защите, у нас заканчиваются боеприпасы и лекарства, одежда и питание, у нас остался всего один работающий фильтр для очистки воды и один генератор. Братья, – голос вдруг понизился, дрогнул, возможно, по лицу оратора потекли слезы, – братья, мы умираем. Еще в прошлом году нас было больше двух тысяч, сейчас же нас осталось всего шесть сотен. Наши силы иссякают, мы голодны и больны, мы лишены возможности подниматься на поверхность. Нам нужна ваша помощь. И у нас есть что предложить вам взамен.

Мы наладили отношения с этими созданиями, братья, у нас есть проводник, который может с ними общаться, мы большие не враги! Мы знаем, что делать, чтобы оживить мир, мы знаем, как вернуть почве жизнеспособность. Мы придумали экран, под которым могут жить растения днем, и даже вырастили первый плод! Братья, мы смогли избавиться от многих мутировавших видов, в частности от собак, и можем вам в этом помочь.

Эти существа могут быть нашими почтовыми голубями. Они не боятся солнечного света, они могут идти в зной и в снег. Они согласны быть нам опорой и подмогой, верьте!

Если вы не отвергнете наше предложение, мы вместе сможем выжить! Мы вместе вернем себе верхний мир! Пускай на это уйдут годы, пускай мы уже до того момента и не доживем, но хотя бы ради наших детей, ради следующего поколения, ради наших правнуков! Мы должны попробовать! Даже если есть один шанс из миллиона, даже если надежда столь призрачна, что ее и не видно, – мы должны рискнуть!

Не отвернитесь от нас! Мы в вас верим! Вместе мы сможем! Вместе мы найдем выход!»

Диск начал медленно останавливаться, динамик умолк. Тихо стало и в тоннеле. Пораженные, зачарованные записью, все стояли, погружившись в глубокие раздумья, не сводя глаз с остановившего свой круговорот диска и даже не смея пошевелиться. Не отваживаясь заговорить.

Тишина длилась долго, а после Укрытие превратилось в жужжащий улей.

Глава 2

– Владимир Иванович, наши голоса разделились поровну. Так мы ни к чему не придем, – устало проговорил седой старейшина с генеральскими погонами, все еще величественно смотрящимися на старом, потрепанном, но чистом и выглаженном мундире. – И спор здесь, я считаю, бесполезен. Когда-то давно нас в Совете было двенадцать, тогда можно было о чем-то говорить, соперничать, настаивать, доказывать свою правоту. Можно было в итоге и изменить чье-то решающее мнение, перетянув оппонента на свою сторону. И такое случалось. Сейчас нас четверо; остались одни старики с устоявшимися взглядами на мир, и поменять здесь у вас вряд ли что-то получится. И хотя я не совсем понимаю, чем руководствовался уважаемый всеми нами Василий Андреевич, встав с вами под одно знамя, его мнение я уважаю и, заметьте, не делаю попыток перетащить на свою сторону. Зачем же вы пытаетесь? Тем более вы еще молоды и, смею сказать, мало знаете, о чем говорите.

– Но это же неправильно, товарищ генерал, – возразил Владимир Иванович, поднявшись из-за стола. – Там же люди... Вспомните, как наши всегда говорили, что если бы мы знали, что хоть где-нибудь кроме нас еще кто-то выжил... А теперь вы не даете возможности выслать даже разведывательную экспедицию?

В тусклом желтом свете настольной лампы лица трех стариков казались вылепленными из воска. Так могли выглядеть только старики после долгих часов жаркой дискуссии, которая зашла в тупик, показав, что победивших и проигравших в этом бессмысленном бою нет.

Они были похожи на одетые в военные мундиры соломенные чучела. Их руки с одинаково сцепленными пальцами неподвижно лежали на столе, бесцветные глаза были устремлены вдаль и вглубь себя одновременно, и только подрагивание век и вздымающаяся грудь говорили о том, что в этих старых оболочках еще теплится жизнь.

– Да. Мы не вышлем экспедицию, – оборвал затянувшуюся паузу властным голосом генерал. – Мы не можем так рисковать.

– А разве мы не рискуем, сидя здесь? – встрял лысый старый полковник, сидящий по правую руку от генерала и разделивший мнение молодого, одаренного стратега Владимира Ивановича Кольцева. – Вы считаете себя в безопасности, товарищ генерал?

– Не считаю, Василий Андреевич, и, разумеется, сидя здесь, мы рискуем тоже, – согласился генерал, – но представьте вы себе хоть на минуту, что вся эта ваша экспедиция может накрыться медным тазом, не выехав даже за пределы Киевской области. Или, хуже того, где-то на полпути до Харькова? В двухстах пятидесяти километрах отсюда. Кто вернет экипаж? Кто вернет машины? Что вы скажете семьям тех, кого вы отправили на верную смерть? Если вы уже запомнили, то я вам напомню – нашей технике в среднем сорок лет! Не питайте иллюзий. Она уже собрана-пересобрана по сто раз, и все из подручных материалов и разных запчастей, которые только удалось достать вояжерам. Вы на самом деле считаете, что она способна пройти такое расстояние? Речь ведь идет о пятистах километрах в одну сторону, не так ли? Думаете, Василий Андреевич, ей под силу такой бросок?

Да поймите вы, это же все равно что заставить вас сейчас пробежать стометровку! Выполнить норматив молодого бойца. – Генерал встал из-за стола, задвинул стул и оперся на его спинку, обхватив ее тощими, костлявыми пальцами. – И с чего вы вообще взяли, что этой записи можно верить?! Ее принес сюда проклятый... Или вы забыли, кто такие проклятые? Напомнить?! – Его голос сорвался в крик, а лицо исказила внезапно нахлынувшая ярость. – Напомнить, как они уничтожали наши разведотряды, стаскивая потом к шлюзам головы бойцов?! Напомнить, как они прорывали заставы, пожирая всех, кто там был?! Или как пробрались через вентиляцию в госпиталь? А теперь они – там, в Харькове, – братство христиан, нашли общий язык с проклятыми, подружались, мать их, и нас приглашают дружить. Красота!

Возможно, скоро они приручат собак, и мы будем ездить в Харьков в собачий цирк? А что, это вполне реально. Они же вырастили на поверхности плод! Только какой это плод?! – прокричал генерал, свирепо вытаращив глаза. – Почему? Почему они не сказали, какой именно они вырастили плод, а? Почему они не сказали, что вырастили на поверхности помидор, или топинамбур, или картошку, или у них принялось дерево? Почему они упомянули только это ничего не значащее слово – «плод»? А какой же плод можно вырастить на поверхности, вы не задумывались, Василий Андреевич? Что может вырасти в мертвой, прокисшей вглубь на десять метров, пропитанной, как губка, кислотными дождями почве? Не на метр или два, и даже не на пять. На десять! И как ее можно после этого оживить? Ну как?! Дух Святой сойдет? Какие у них варианты? Почему они умолчали о деталях, обошлись лишь общими фразами и этими пафосными «мы можем», «вместе», «выход»?!

Я хочу сказать одно, Василий Андреевич, – успокоившись после некоторой паузы, продолжил старейшина, – если мы сейчас вышлем экспедицию и предоставим для этого лучшую технику и лучших людей, мы останемся здесь такими же беззащитными, как сейчас они там. А даже если бы и так, даже если бы наша экспедиция добралась до Харькова и, кто знает, даже вернулась бы обратно – что это даст? Чем мы им поможем? Повезем им патроны, пищу? Хорошо, добрые самаритяне из Киева, вы им поможете. Но вот вопрос: на сколько нас хватит? Один рейд, два, три? А потом что? Ну что потом? Чего вы молчите? – буравил своими вопящими глазами окружающих старшина. – Чем вы, тонущий корабль, собираетесь помочь такому же тонущему кораблю, да еще и находясь в другой широте?! Чем? Чем один нищий поможет другому? Отдаст свою одежду и замерзнет сам? Дадите им боеприпасы, чтобы они продолжили свое существование еще на полгода и вырастили еще один непонятный *плод*?

Наступила тишина. Генерал прокашлялся, отодвинул стул и бессильно плюхнулся на него, обхватив голову руками. Даже Владимир Иванович, сидевший по другую сторону большого стола, слышал, как участился пульс старика, и увидел, как задрожали его руки.

– Мы прожили здесь тридцать с лишним лет, Василий Андреевич, – не поднимая головы, сказал генерал, набравшись сил. – Вы помните не хуже меня, что это было за время. Помните, что творилось вначале и какие времена мы переживали двадцать лет назад. А кто скажет, как прожили они это время там, у себя – в харьковской подземке? – Он поднял голову и вопросительно посмотрел сначала на Владимира Ивановича, потом на Василия Андреевича. – Кто даст гарантию, что там вашу экспедицию встретят нормальные люди? Может, они давно мутировали до неузнаваемости, может, у них крышу сорвало и выросло трое рук. А запись эта... Когда она была сделана? Может, три месяца назад, а может, и десять лет назад, а то и все двадцать. Сколько ваш проклятый сюда шел? Год, два? Не задумывались? А мы, по вашему решению, отправим туда лучших своих людей и технику. И даже если все-таки я ошибаюсь и экспедиция вернется – ну, чем черт не шутит? – мы лишь удостоверимся, что кроме нас где-то есть еще такие же полумертвецы, выживающие в подземельях... Или, может... – на его лице заиграла ироничная улыбка, – вы и вправду поверили, что мы можем вернуть себе верхний мир?

Василий Андреевич заерзал на стуле, неопределенно качнул поникшей головой.

Совет длился уже больше пяти часов, а в его семьдесят шесть просидеть в одном положении столь длительное время было уже чрезвычайно утомительно. Но поник Василий Андреевич не потому, что просидел достаточно долго, не меняя позы, а оттого, что генерал Толкачев несомненно говорил правду. И если экспедиция погибнет, он себе этого не простит. Никогда не простит, что пошел на поводу у призрачной надежды. Но, вопреки всему этому, что-то другое, давно забытое, а теперь вновь пробудившееся рвалось из его груди наружу, и остановить эти сначала почти незаметные, но с каждой минутой все усиливающиеся поступательные толчки он не мог. И не пытался.

Надежда. Как давно он не испытывал ничего подобного. Последняя надежда.

Василий Андреевич тяжело вздохнул, поднялся из-за стола и отошел в дальний угол комнаты, где на маленьком столике стояли графин с водой и стакан.

– Вы правы, Сергей Сергеевич, конечно же, вы правы, – не поворачиваясь, сказал он настолько тихо, что после громогласного генерала казалось, будто его слова долетают из другой комнаты. – Как всегда, в ваших словах присутствует истина. Раньше я безоговорочно поддерживал бы ваше мнение... Ведь на протяжении всех лет, что я являюсь членом Военного совета, у меня не было повода не доверять вам и ставить под сомнение ваши решения. Да и сейчас, впрочем, нет.

– Так о чем тогда речь, Василий Андреевич? – приподнял брови генерал. – Если вы сами понимаете, что я прав, то зачем вы продолжаете вносить в Совет диссонанс?

– Вы спрашивали, помню ли я, что было пятнадцать лет назад и в самом начале? – продолжил Василий Андреевич, никак не отреагировав на слова генерала. – Я помню больше. Помню зеленый трехметровый забор в центре Киева и вывеску о возведении новой станции метро. – Его голос задрожал, то ли от боли воспоминаний, то ли от нарастающей ярости, но он упорно не хотел поворачиваться лицом к столу. – Помню, как каждую ночь вывозилось за город сотни тонн накрытой брезентом земли, дабы простые граждане не поняли, что строится в центре Киева никакое не метро...

– Василий Андреевич! – перебил его генерал. – Это не относится к теме!

– ...а Укрытие, – снова не придав словам генерала значения, продолжил Василий Андреевич, – на случай возможной – еще тогда ведь никто не знал, что она очевидна, – он понизил голос, проговорив следующие слова почти шепотом, – ядерной войны. А она еще как была возможна! Помню, масс-медиа во все горло кричали, что угроза есть, а вы... – Он резко обернулся и вонзился взглядом в ошарашенного генерала Толкачева, пришпилив его к спинке стула, как бабочку для коллекции. – Вы, будучи министром обороны, утверждали, что ее нет! Я помню это! Я помню, как вы, сидя в своем кабинете, опровергали слухи, говоря, что конфликт улажен и беспокоиться не о чем!

– Что вы себе позволяете?! – вскочил генерал, опрокинув стул. – Немедленно прекр...

– Вы утверждали, что угрозы нет и войны не будет, тем временем внезапно вырывая под жилыми домами ни о чем не подозревающих людей многоуровневое противорадиационное убежище, именуемое не иначе, как «Укрытие-2»! Со всеми удобствами, с vip-квартирами, фонтанами, парком, электронными библиотеками, десятилетним запасом продовольствия...

– Заткнитесь!!! – взревел Толкачев.

– А для кого строилось это Укрытие, уважаемый Сергей Сергеевич, для кого?! Вы забыли? А я помню! Я помню, как эти зажившие политики и прочие сливки общества, миллионеры, мать их, втихую стаскивали сюда свои вещички. Как они покупали у вас места для своих родственников, места, предназначенные для профессоров и ученых-физиков, докторов медицины и биологов, инженеров и конструкторов, в которых мы сейчас так нуждаемся! Вы расквартировали здесь упитанных ублюдков, толстых, разбалованных детей олигархов, для которых были завезены сюда игровые приставки и тысяча дисков с играми, дабы они благополучно переждали, пока наверху пройдет истребление остатка человечества! Для них построили даже танцевальную площадку. – Старый полковник ударил себя кулаком по лбу. – О боже, подумать только – танцевальная площадка!!! Они здесь собирались развлекаться, в то время как их друзья и их семьи, уцелевшие после атаки, превращались в безобразных существ!

– Заткнитесь, – прошипел, побелев лицом, генерал, но с места не сдвинулся.

– Да нет уж, – неожиданно донесся голос из глубины комнаты, куда незаметно ушел до сих пор молчавший полковник Рокотов, – теперь пускай говорит. Имеет право.

Генерал заглянул в его потемневшее лицо и неожиданно для себя понял: это конец. Людей, которые поддерживали бы его независимо от своего мнения, больше не оставалось.

– Я выполнял инструкции, – сиплым голосом сказал Толкачев. – Не забывайте, что я, как и вы, человек военный. Я ничего не делал от своего имени, у меня на все были соответствующие приказы.

– Приказы? А как же метро? – шагнул на свет Василий Андреевич. – Кто отдавал приказ? На то время уже некому было давать вам инструкции. Вы сами себе были командиром, не так ли, Сергей Сергеевич?

Генерал весь задрожал, будто под ним дозревал, готовый взорваться в любое время, вулкан, глаза стали как две черные пуговицы, а пальцы то и дело сжимались в кулаки. Если бы у него было оружие, оно несомненно уже было бы направлено в лицо Василия Андреевича, но оружия у него не было. Поэтому он, сраженный и беззащитный, лишь опустил голову и закрыл глаза, готовясь услышать то, о чем пытался забыть на протяжении многих лет.

– Может, вам тоже напомнить, как вы решили, будто все, кто нашел свое убежище в метро, уже «мутировали», перестали быть нормальными людьми? Напомнить? Это же вы решили судьбу сотен тысяч человек, укрывшихся в городской подземке. Да, они были больны и голодны, да, они оказались не приспособлены к подземной жизни без газа и электричества, да, они зверели от отчаяния и поэтому нападали на ваших сталкеров и вояжеров наверху. Но они были нормальны! Нормальны, черт вас дерит!!! А у нас было два склада медикаментов, семь складов продовольствия, не считая вещевых и прочих запасов, и мы им ничего не дали! Мы им ничем не помогли. Мы помогли им умереть, взорвав выходы из метро или установив занавесы. Кого вы обманываете – это же вы их всех убили! Вы!!!

Последние слова Василий Андреевич прокричал так, что его услышали и на дальних заставах, не говоря уже о том, что почти весь их разговор, начиная с самого начала, был слышен всем, кто находился неподалеку от дома Советов. Без преувеличения, под двухэтажным зданием, упирающимся крышей в бетонный потолок, стояли едва не четверть жителей Укрытия, ловя каждый звук и каждое слово, долетающее наружу сквозь приоткрытые окна и тонкие стены.

– А теперь, когда мы знаем, что кроме нас на нашей земле есть еще люди и эти люди нуждаются в нас, умирают от голода, вы опять взрываете выходы и ставите занавесы. Вы уподобили меня тонущему кораблю, который хочет помочь такому же несчастному, находясь в другой широте? Так вот знайте – так и есть! И я, будучи нищим, предоставлю свою одежду и свой кров над головой тому, кто испытывает в этом нужду, не задумываясь, что будет дальше. И если уж мне уготовано сдохнуть, то я сдохну, поделившись с кем-то последним ломтем хлеба, а не давясь крохами, пожирая их втихаря, из-за пазухи. Таков я есть, товарищ генерал, таким меня учили быть моя мать и мой отец, таким я и сдохну. А вы... вы даже сейчас думаете лишь о себе и упорно не хотите видеть, что смерть дышит вам в лицо. Она настигнет вас не сегодня, так завтра. А вы считаете себя защищенным...

Я выхожу из Совета, я больше не желаю находиться здесь ни минуты. Это место для трусливых, утвержденных в самообмане убийц, вроде вас, генерал, и даже находиться мне здесь теперь... противно.

Усталой походкой он прошел к дверям, затылком испытывая застывшие на себе взгляды: восхищенные и униженные. И не было у него желания большего, чем прийти домой, поцеловать в лоб всегда волнующуюся жену, сказать ей, как он всю жизнь ошибался в людях, не раздеваясь лечь на кровать и умереть. Покинуть свое дряхлое тело, прекратить свое жалкое существование, забрать с собой все не сказанное за многие годы, исчезнуть из этой жизни, потеряться в памяти тех, кто останется... всех, кроме одной Софьи Николаевны, второй, но не менее любимой жены.

Но прежде возникло еще одно желание. Он задержался в дверях, весь исполненный печали, до смерти утомившийся и словно разочарованный сам в себе, но уголки его рта вдруг

слегка приподнялись, будто он хотел улыбнуться, а глаза приняли смиренное выражение. Он окинул прощальным взглядом зал совещаний и сказал:

– Вы можете, конечно, мне и не поверить... но я еще до сих пор способен пробежать стометровку. И в удачу я еще тоже – верю!

На улице его ждала торжествующая толпа. А часом позже народ на всеобщем голосовании, устроенном полковником Рокотовым, преобладающим большинством высказался «за». Добровольцев хватило бы и на десять экипажей.

* * *

Две недели спустя «Монстр» стоял в юго-восточном тоннеле в полной боевой готовности, с перебранным двигателем, полностью замененной ходовой частью и еще больше усиленным кузовом. Сзади к нему кроме его обычной «Базы-1», крытого прицепа, в котором вояжеры хранили всякую всячину, начиная от ящиков с боеприпасами, брикетов сухого топлива и заканчивая надувными женщинами, была присоединена еще и «База-2», такой же крытый прицеп, оборудованный под смотровую точку, предназначенный для перевозки «Разведчика» и части криокупола.

Впереди монстрообразного автопоезда недовольно урчал гусеничный броневик, когда-то давно носивший обыденное имя боевой машины пехоты или же сокращенно БМП-1, но, попав в руки к острым на язык сталкерам, стал называться не иначе, как «Бессонницей». Прозвали его так за то, что он, работая даже в нескольких километрах от шлюза, своим лязгом и скрежетанием траков не давал ребятам на заставах спокойно спать. Это не говоря о том, что, когда он спускался вниз по шлюзу, от вибрации расплзались и заваливались мешочные стены, а в Укрытии от его грохота просыпались дети. Даже после максимального облегчения, сбросив тонн семь в пользу повышения скорости, «Бессонница» сжигала топлива вдвое больше, чем тот же «Монстр», была более сложной и требовательной в обслуживании, однако при всем этом она имела для экспедиции огромное значение. Неприхотливость к дорожным условиям и наличие стомиллиметровой пушки говорили сами за себя. Возле нее суетились с десятков механиков, проводя заключительные работы по доводке систем охлаждения двигателя.

В голове колонны громоздился «Чистильщик», бывший трактор Т-150, о котором нынче напоминала в общих чертах только форма кабины. Нагоняющий ужас клин был шире и острее, чем у «Монстра», стекла также спрятаны под решетки, с крыши всматривался вдаль, слегка покосившись, ствол пулемета. Но главное назначение самой большой машины кортежа заключалось в том, чтобы тянуть за собой так называемый «Форт» – некогда обычный пассажирский вагон, который, разумеется, полностью переделали для дальних рейдов. Вместо железнодорожных колес поставили шесть пар тракторных громадин, стекла зарешетили, купе с раскладными койками убрали, разделив освободившееся пространство на семь отсеков, в которых хранились и склад боеприпасов, и топливо, и провиант, а также разместили мед- и ремблоки с кое-какими запчастями ко всем машинам.

Без преувеличения можно было сказать, что эта машина с четырьмя пулеметами на крыше являлась наиболее укрепленной передвижной цитаделью из всех, что до этого были и, наверное, будут в Укрытии. Конструкторы потратили не один год, превращая громоздкий образец сельхозтехники в самую мощную боевую единицу. И можно с уверенностью заявить, что им это удалось – «Чистильщик» тянул многотоннажный «Форт» с такой легкостью, будто тот весил не больше пуховой подушки, и при этом мог развивать скорость до восьмидесяти километров в час. Правда, брикеты сухого топлива при такой скорости в его топливной системе испарялись, как газ из разбитой зажигалки.

На крыше «Чистильщика», свесив ноги и уже ни от кого не скрывая свою оригинальную прическу, сидел Бешеный. Под ним, внизу, собрались около двадцати человек, начиная с Андрея, две недели назад впервые заступившего в наряд на северную заставу, и заканчивая семидесятишестилетним Василием Андреевичем, бывшим членом Военного совета.

– Э-э, мужики! Значит, слушай меня сюда, – обратился Бешеный к утихшей при его появлении гурьбе. – Обращаюсь к молодняку, у кого это первый вояж. Готовность двадцать минут. Проверьте экипировку, проститесь с родными стенами, поцелуйте на прощание родителей, напишите завещания (толпа ожила, многие заулыбались). Начальник экспедиции, многоуважаемый товарищ Крысолов, проведет с вами последний инструктаж через пять минут. Хотя от себя я, пожалуй, тоже скажу кое-что. Старайтесь запомнить все с первого раза, чтоб потом не переспрашивать и не тормозить по ходу дела. Итак, первое. – Он загнул мизинец на растопыренной ладони. – Неукоснительно слушать приказы старшего на борту. Каждый знает, кто у него старший? (Все одобрительно закивали.) Не самовольничать, не делать ни шагу без соответствующего приказа. Второе, – загнул безымянный палец Бешеный, – во время движения находиться на своем месте. Боевой пост – кто будет у орудий – не оставлять ни при каких обстоятельствах, а тем, кто не на посту, по борту просто так не шариться. Время для отдыха – отдыхайте, цените каждую свободную минуту, не занимайтесь херней. Третье. Стрелкам – палить только по цели и только наверняка, с ближнего расстояния. Патроны с целью «отпугну, может, убежит само» не расходовать! Замечу, что расстреливаете небо или землю, пеняйте на себя! Четвертое. – Он загнул указательный палец. – При вынужденной высадке четко следовать инструкциям и приказам. Шаг влево, шаг вправо – прикладом по затылку. Это как минимум! Пятое, – правая рука сжалась в плотный кулак, – и самое главное – не тупить. Это не экскурсия в ботанический сад.

Бешеный поводил головой, пытаясь заглянуть в лицо каждому присутствующему. В целом набранная команда ему нравилась. Ясное дело, что лучше было бы набрать отменных здоровяков, опытных, смекалистых сталкерюг, с которыми не нужно было бы цацкаться по ходу дела и каждый раз говорить, куда не следует лезть, чтобы не остаться без ноги, и от чего держаться подальше, чтоб не вскипели мозги. Взяли бы хотя бы команду Топора или взвод вояк майора Семенова – у бойцов приличный стаж, с оружием всех типов знакомы, будь то древний револьвер или гаубица, тактикой борьбы с разным тварьем владеют, но... как объяснил Стахов, проводивший отбор вместе с Тюремщиком и Крысоловом, – молодых тоже учить нужно. К тому же Укрытие нельзя оставлять на салаг, или, как военные сами их называли, «средняков». Родине, как говорится, нужны сильные.

– И вот еще что я хочу сказать... – Бешеный прыгнул с крыши кабины на капот, блеснув атласными красными штанами, как-то по-обезьяньи зацепился за крепление для зеркала и соскочил на землю. На фоне невыразительной серой толпы в поизносившихся, штопаных комбинезонах с самодельной защитой, как всегда, голый по пояс, с устрашающего вида татуировками, торчащим на голове ирокезом, он был похож на вырезанную из книжки яркую иллюстрацию, брошенную в дорожную пыль. – Даже несмотря на то, что у меня за спиной семь лет постоянных подъемов на поверхность, я не могу с уверенностью сказать, что там нас ждет в этот раз. – Он прошелся вдоль строя, вернулся обратно. – Каждый раз там что-то меняется. Каждый раз что-то происходит не так, как в предыдущий. Наружный мир живет своей жизнью, нестабильной, изменчивой. Никто вам не даст гарантию, что то место, где мы легко прошли вчера, мы сможем запросто пройти сегодня. На эту тему можно говорить долго, но я не стану. Из меня вообще плохой оратор. К тому же каждый из вас знает, за каким чертом он записался в эту экспедицию. Почетный титул не получите, и в случае смерти мало кто оплакивать вас будет. Да и кто узнает? Эта хрень, – он постучал пальцами по обшивке кабины, – успеет отвезти нас достаточно далеко, прежде чем мир начнет нас забирать одного за другим! Посему у меня к вам один-единственный вопрос: вы готовы к этому?!

Реакция была однозначной.

Бешеный довольно кивнул, отвел руки за спину и вытащил свое оружие. Поднял вверх обе руки с зажатыми в них огромными ножами с прямыми лезвиями. Словно выполняя заключительную часть ритуала, скрестил их над головой и, сделав ужасную гримасу и обнажив в зверином оскале белые зубы, выкрикнул:

– Кай-йа-а-а-а!!!

* * *

Так уж выпала карта, что в состав экипажа «Монстра» попали и Стахов, и Каран, и Андрей со своим рыжим напарником. И если у последних просто грудь распирало от гордости за себя и глаза горели в предвкушении новых открытий и постижений, Стахову с каждой секундой становилось все тягостнее, тоскливее на душе. Будто покинул он не самую опасную заставу, из которой ему не раз приходилось выносить трупы сослуживцев, не зная, как после этого смотреть в глаза их семьям, а блаженное место под солнцем, райский уголок с белыми барашками набежавшего прибоа, морским песком, пальмами и танцующими мулатками. Как на том рекламном буклете, что тридцать лет назад в сердцах выбросил в урну какой-то полнотелый политик, осознав, видать, что в то счастливое место ему уже попасть не удастся.

Примерно то же переживал и сам Стахов, задержавшись у трапа, изо всех сил борясь с непреодолимым желанием обернуться, взглянуть на тех, кто смотрит им в спину. Попрощаться бы...

Нет, никто не прощается, никто не рыдает, никто не говорит никаких слезных речей...

Сердце у Ильи Никитича отчего-то сжалось. Вспомнилась вдруг Ольга, такая милая, нежная, такая красивая, и голос ее мелодичный вспомнился. Она бы не разрешила ему, конечно. Да и сам он не смог бы ее оставить. Но ведь ее уже давным-давно нет. Он даже стал забывать, как она выглядела. А сейчас вот вспомнилась. Так четко стали видны ее черные, цвета воронова крыла волосы, собранные сзади синей лентой, более светлого оттенка, чем ее униформа, серые глаза и улыбка... Так отчетливо вспомнил, будто он только что ее видел... где-то здесь, среди провожающих.

С тех пор как ее не стало, смысл его жизни замкнулся на заставе. Там был его дом, там он надеялся найти и свою смерть. Но в тот день, когда Тюремщик показал свое последнее «кое-что», кое-что поменялось для Стахова и в отношении к собственной жизни. Не мог он никак теперь остаться на заставе. И вот он здесь.

Экипаж «Монстра» состоял из шести человек, четверо из которых находились в самой машине, включая Бешеного и его напарника Тюремщика, один дежурил в «Базе-1» и один в «Базе-2» – на «хвостовом» пулемете.

На «Базу-2» на первые двенадцать часов был выставлен «стражником» Стахов. Он вызвался туда сам, подумав, что одиночество на какое-то время спасет его от ненужных бесед, избавит от назойливых перешептываний и любопытных взглядов юнцов, впервые покинувших подземелье. Зайдя в прицеп, он окинул лишенным всякого интереса взглядом закрепленный тросами узик, гордо носивший имя «Разведчик», посмотрел на кресло, повернутое к заднему борту, большая часть которого была сделана из бронестекла, и закрыл за собой дверь. Постоял с минуту, потом присел, заглянул под машину. Под ней в разобранном виде лежала гордость подземных лабораторий – часть криокупола, похожая на собранный из металлических пластин и стропов парашют.

В задней части прицепа к потолку была прикреплена напоминавшая формой большую таблетку выдвижная капсула. В нее и помещался «стражник» в случае поступления команды

«К орудию!». Рядом свисал шнур, разворачивающий «таблетку» в капсулу и раскрывающий люк, через который «стражник» имел доступ к пулемету.

Обойдя узик, Стахов провел рукой по пыльному борту цвета хаки, подошел к панорамному бронестеклу и коротко махнул рукой сгрудившимся на заставе людям. Затем опустил ролет – как раз, чтобы он скрыл от публики его лицо, – и бухнулся в кресло, подняв в воздух облако пыли.

Здесь был его дозорный пункт. Ему предстояло быть глазами на затылке «Монстра», как сказал Тюремщик, по-дружески подмигнув ему перед посадкой. Поискав взглядом, на что бы переключить свое внимание, Стахов уделил минуту на прочтение инструкции, приклеенной к борту. Там было указано, что и как нужно делать в случае боевой тревоги. Разложить кресло, дернуть шнур, поместиться в капсулу, открыть люк, извлечь из ящика пулемет... «Чепуха для юнцов», – подумал Илья Никитич, вздохнул, уронил голову на руки.

Двигатель взревел, над ухом затрещала рация.

– Одинокый два... Никитич, как слышишь? – прозвучал голос Тюремщика из покрытой плотным слоем пыли рации.

– Одинокый два, – нехотя поднеся рацию к щеке, ответил Стахов, – слышу хорошо.

– Как самочувствие, Илья Никитич? Чего-то мне видок твой в последнее время не нравится.

– Все нормально, дружище, – соврал Стахов, откинув голову на спинку кресла.

– Правда? – удивился Тюремщик. – Да ладно тебе, ты так переживаешь, будто на край света собрался. Что там до того Харькова – всего четыре дня ходу, максимум пять. Через полторы недельки снова будешь любоваться своей «северкой», обещаю.

– Ты так говоришь, будто я не знаю, что самый дальний твой выход – это сто шестьдесят, – иронично улыбнулся Стахов.

– Ну и что? Я что, когда-нибудь не возвращался? Никитич, для меня что сто шестьдесят, что четыреста девяносто три – разницы никакой. Нам с Бешеным вот по херу куда, лишь бы ехать. И – скажи, Беш? – никто, ёлы, никогда не оказывал нам такой почести. А тут, блин, как на фронт отправляют. Только цветы еще не бросают вслед. – Тюремщик засмеялся. – Никитич, все будет в ажуре!

– Ладно, поехали уже, фронтовик, поехали...

«Монстр» въехал в шлюз последним. Вся застава стояла как по стойке смирно, с торжественными, немного грустными лицами, с приставленной к виску ладонью, выпяченной вперед грудью и застывшим в глазах восторгом. Когда грузовик пошел по шлюзу в гору, Стахов с горечью отметил про себя, что это было последнее прощание с Укрытием. И хотя в его сердце действительно раньше не находилось места мнительности, сейчас он чувствовал себя раскисшим, подавленным юнцом, вырванным из родительского дома, вмиг лишившимся материнской ласки и заботы.

На часах мерцали цифры 20.54. На улице, должно быть, вечерело.

Андрей сидел в кунге «Монстра» на жесткой, для блезиру обшитой линолеумом скамье вместе с рыжеволосым напарником Сашкой. Со всех сторон они были обложены ящиками с продпайками и боеприпасами, разбросанными брикетами сухого топлива, оставшегося с предыдущих выходов, а также просто бытовым мусором, который вояжеры подбирали на поверхности и, не находя ему применения, забрасывали в фургон. Здесь валялись и канцелярские принадлежности, как то: дырокол, карандаши, линейки; и разбитый радиотелефон, и тележка из супермаркета, наполненная вздутыми банками тушенки, и связка железнодорожных костылей, и табличка с цифрой «275» и надписью «Мемориал Освобождения – Ботанический сад», и набор рождественских свечей, и распаханная СВЧ-печь – в общем, все то, что вояжеры захватывали с собой, а потом, вместо того чтобы выбросить за борт, замусоривали кунг.

Но не над этим размышляли пассажиры фургона, прильнув к боковым иллюминаторам и стараясь не упустить ни малейшей возможности рассмотреть в слабых, изредка мелькавших отблесках света стены шлюза, потрескавшиеся то ли от старости, то ли от давних ядерных содроганий, темные, покрытые какой-то вязкой слизью.

Сверху донесся сигнал.

– Сейчас подымут верхний заслон, – с благоговением прошептал Саша.

Круглый люк, соединяющий кабину «Монстра» с фургоном, сдвинулся, и в проеме показался сначала встопырившийся ирокез, а затем и вечно улыбающееся лицо его владельца.

– Ну что, пацанва, с почином вас, потомки великого Тавискарона!

– Кого-кого? – переглянулись между собой ребята, наморщив лбы.

– Атефобией¹ никто не страдает? – снова задал вопрос Бешеный, не обратив внимания на округлившиеся глаза юнцов.

– А что это?

– Вот и чудно, – кивнул Бешеный и, напоследок подмигнув, исчез в проеме.

На вопросительный взгляд Саши Андрей лишь повел плечом, дав понять, что нет никакого смысла разгадывать странные слова Бешеного – все равно никогда не разгадаешь. Семь лет постоянных подъемов на поверхность. Как же тут без своих «фишек»?

Шлюз посветлел. Это значило, что верхний заслон поднят. Вниз, к Укрытию, просунулись несколько темных, тучных, приземистых фигур с опущенными головами и широкими плечами. У одной из них что-то выпало из рук, она остановилась, подняла с земли блестящие медяки, оглянулась на Стахова, наградила его презрительным взглядом и побежала вниз. Банкиры... Очень похожи на людей, очень. Легко ошибиться. Бегут вниз, хотят попытать счастья прорвать кордон. Что ж, имеют полное право.

«Монстр» выкатился из шлюза, подал длинный сигнал, и массивная металлическая плита, усеянная множеством маленьких вмятин, следов бесчисленных соприкосновений со свинцовыми посланниками, сразу же начала опускаться, закрывая вход в Укрытие. Вся стена вокруг нее была сплошь облеплена бурыми, черными ошметками существ, оказавшихся в неподходящее время возле заслона. Независимо от преследуемых ими целей исход был один. Пулеметы подъезжавших к шлюзу машин без разбору припечатывали «гостей» к стенам и заслону шквальным огнем, разрывая чью бы то ни было плоть на куски и проделывая на поверхности плиты миниатюрные кратеры.

Стахов поднимался наверх много раз, но первое место соприкосновения с наружным миром, место, где заканчивается подземный мир и начинается мир наружный, – вестибюль разрушенной станции метро «Университет», – всегда производило на него особое впечатление.

Практически лишенный купола, вестибюль был мрачен и холоден, впрочем, как и всегда в это время суток. Некогда украшавший стены коричневый мрамор почти полностью облетел, обнажив нутро отсыревших стен, но еще цепко держался у входа и возле продырявленных ржавчиной турникетов, напоминая о былой красоте станции и изысканных вкусах метростроителей. С проломленного купола, покачиваясь на ветру, свисали нерукотворные ламбрекены, сотканые из многолетней паутины, за долгие года не прожженные солнечными лучами, не поврежденные кислотными дождями и злыми зимними ветрами.

Сердце у Андрея чуть не вырывалось из груди. Он соскочил со скамьи и встал на колени перед прямоугольником большого иллюминатора, голодными глазами поглощая остатки цивилизации, силясь не упустить ничего, что появлялось за бортом «Монстра». Завороженно, как ребенок в кукольном театре, он любовался бликами заходящего солнца, игриво

¹ Атефобия – боязнь руин.

скачущими по мраморным плитам, заискивающе отражающимися в рассыпанных бисером осколках стекла, подмигивающих ему, заставляя жмуриться и радостно улыбаться.

Он настолько ушел в себя, настолько отключился, упиваясь тем, о чем мечтал всю свою сознательную жизнь – посмотреть, каков он, этот верхний мир, – что даже не понял, когда алая штанина и сделанная из кожи туфля оказались возле его лица.

– Что, боец, любишься?! – На лице Бешеного не оставалось и следа от лучезарной улыбки, и Андрей вдруг понял, что ошибочно принимал этого чудаковатого сталкера за добряка. – Ну-ка сядь!

«Черт, а умело прикидывался дружелюбным», – подумал Андрей.

– Так я ж это... – послушно сядь на место, выдумывал оправдание он. – Веду наблюдение.

– Наблюдение вести с места! – сердито ткнул пальцем в приклеенную к борту инструкцию Бешеный. – К иллюминаторам не приближаться. Что еще не понятно?!

– Да все понятно, товарищ Бешеный, – украдкой заглядывая в манящий иллюминатор, сказал Андрей, – но мы ведь... первый раз. Интересно же.

– Еще раз подойдешь к окну – получишь по башке, – бесцеремонно отрубил сталкер. – Усек? А вообще, вы еще не на дежурстве, какого бы лёва вам не отбросить на этой скамье костыли и не подрыхнуть, пока есть такая возможность?

– Как же тут уснешь, товарищ Бешеный? – округлившимися глазами взглянул на него рыжий. – Мы же никогда еще не видели...

– Еще насмотритесь, – перебил его сталкер. – Было б на что смотреть. А ты, – он ткнул пальцем в сторону Андрея, – выучи инструкцию наизусть, понял? Я позже спрошу.

Андрей кивнул и, проследив, как тот с какой-то нечеловеческой, звериной гибкостью проскользнул обратно через люк в кабину, с досадой стукнул кулаком по подлокотнику. Черт, как же жаль, что этот необычный человек без имени (а может, у него и было имя, но никто его не знал) не всегда такой улыбчивый и добрый. Хотя говорили, что он был таким всегда. Станным. Будто скрывался под его оболочкой и не человек вовсе, а существо какое-то несусветное, умело выдающее себя за человека. Но думать о нем сейчас Андрею не хотелось.

– Глянь, – подбил его локтем Саша, кивнув на иллюминатор со своей стороны.

Андрей повернул голову и едва сдержался, чтоб снова не прильнуть к запыленному иллюминатору, забыв о предостережениях Бешеного и рискуя схлопотать по башке.

На его лице растянулась широкая глупая улыбка. Там, вдали, на краю, как ему казалось, земли, где городские постройки сменялись небесным навесом, сквозь сизую пелену косматых, рваных туч и угрюмых высоток пробивалось необычайное сияние. Не яркое, но достаточно сильное, чтобы дыривить непроглядную серость веером багровых лучей и разрывать ее по живому, открывая темно-красную горбатую рану на горизонте.

– Солнце, – протянул Саша, не в силах оторваться от чарующего явления.

– Закат, – уточнил Андрей.

– Вот ведь здорово, да? Так бы и смотрел на это всю жизнь, – вздохнул Саша. – Жаль, что из Укрытия этого не увидеть. Брату показал бы.

– Да. Жаль, – согласился Андрей, когда машины свернули в сторону и закат остался позади, более не видимый в боковых иллюминаторах.

Машина набирала скорость. Выбравшись на одну из главных улиц Киева, улицу Богдана Хмельницкого – проезженную, свободную от ржавых остовов автомобилей и бетонных обломков (заслуга «Чистильщика»), Тюремщик прищипил «Монстра», наслаждаясь тем, как охотно тот реагирует на его потяжелевший ботинок. Стрелка спидометра плавно подползала к отметке «60». Это был его любимый отрезок пути: прямая как стрела дорога так и подстегивала вдавить педаль акселератора поглубже, обойти семенящую впереди «Бессонницу», грозно шествую-

щего во главе «Чистильщика» и сломя голову ринуться в сгущающиеся сумерки, удирая от смертоносных лучей заходящего солнца. Но, к превеликому сожалению, правила движения в колонне, о которых Крысолов напомнил перед выездом, это запрещали: никаких обгонов, никакого лихачества.

«За что я и ненавижу эти гребаные кортежи», – подумал Тюремщик.

Закат во всей своей угрожающе-восхитительной красоте остался позади, постепенно сдавая позицию неизбежным сумеркам, воротам ночи.

– Что б такое включить? – поинтересовался Бешеный у небрежно держащего руль одной левой Тюремщика, выложив себе на колени с десяток плоских пластмассовых коробочек.

– На твое усмотрение, – отмахнулся Тюремщик. – Мне сейчас все будет по душе.

– Ладно. Тогда что желаем больше? Поплакать? – Он взмахнул перед лицом Тюремщика коробочкой с надписью *Within Temptation*, насколько успел прочитать Андрей. – Посмеяться? – Мелькнули надписи «Король и Шут» и «Сектор Газа». – Может, покричать? – Остроконечные буквы «Ария». – Или по тяжелячку пройдемся? – задумался Бешеный, рассматривая рисунки на коробках с надписями *Fear Factory*, *Marilyn Manson* и *Soulfly*.

– Давай по тяжелячку, диджей, – определился Тюремщик, доставая тем временем из нагрудного кармана аккуратно склеенную самокрутку. – Будешь? Петрович подсуетился, говорил, цепляет с первой тяги. Проверим?

Андрей заинтересованно, будто за зверем в клетке, наблюдал за Бешеным. Как тот извлекает из плоской коробочки диск с зеркальной поверхностью, прокручивает его в руках, вставив указательный палец в отверстие посередине, обдумывает предложение Тюремщика, а потом всовывает диск в какой-то прибор у себя над головой. Тот сразу засветился мягким синим светом, на экране появились буквы *Sepultura*, и после этого бегущей строкой прошло: *Refuse-Resist*.

– Петрович, говоришь? Надо попробовать, раз сам Петрович подогнал. В прошлый раз было... – И он довольно присвистнул, сделав головой несколько круговых движений и сведя глаза к переносице. – Улет!

– О, а композиция в тему, – подметил Тюремщик, когда из подкрепленных усилителем динамиков задрезжала музыка.

Затем Бешеный резко оглянулся назад, заставив следящего за ним Андрея подпрыгнуть на месте и часто-часто заморгать, будто застуканного за рукоблудием церковного служителя. Какое-то время огненный гребень был нацелен в сторону Андрея. Бешеный наблюдал за тем, как тот поведет себя под прицелом его сурового, из-под сдвинутых бровей взгляда. Но потом его лицо расплылось в улыбке, он снова подмигнул молодому, а затем громко стукнул закрывающимся люком.

Фургон «Монстра» начал наполняться странными звуками. Не сразу Андрей понял, что этот нарастающий шум и есть музыка. Странно, ведь в его понимании музыка была совсем не такой. Он слушал в последний раз ее очень давно, еще когда подача электричества в дома не была ограничена несколькими часами утром и вечером. Музыка хранилась у матери в ноутбуке вместе с необходимой для ее работы медицинской информацией. Она там была разной, но в основном русские песни, на понятном языке. Некоторые из них Андрей заучивал наизусть, некоторые не любил за банальность текстов или просто за неуклюжее, по его мнению, исполнение, но то, что он слышал сейчас, больше походило на звуки, доносящиеся из металлокомбината, когда там пускали под резак очередную партию приташенного снаружи железа. А этот голос... Разве это голос? Это же крик дежурного заставы о том, что кордон прорван очередной волной прущей с поверхности нечисти! Да еще и с попыткой сделать это в ритм завывающему резаку и в такт грохоту десятка молотов в кузнице! Сашка даже демонстративно закрыл ладонями уши, покрутив пальцем у виска:

– Ненормальный какой-то, да?

– Не то слово, – улыбнулся Андрей, – бешеный! И музыка такая же.

Саша хмыкнул, почесал затылок.

– Слышь, а ты как отбор прошел? Ну, для экспедиции?

– Как и все, – нахмурившись, ответил Андрей. – Подал ротному заявление, тесты сдал – поспрошали там кое-чего, так и взяли. А что?

– Да ничего, просто некоторые удивляются, мол, что шпану взяли – тебя, меня, Лека, а старшаки остались наряды тянуть и в патрулях ходить.

– Ну так и что? Мы ведь тоже не на прогулку собрались.

– Оно-то так, – согласился Сашка, – но вояжерской романтики всем хочется. И нигде, кроме как в пути, не ощутишь. В нарядах скучно, а тут, – он обвел глазами борта фургона, – что ни говори, а интереснее. Едешь, что-то новое видишь, а не только сырые стены и потолок над головой. Знаешь, сколько желающих было в экспедицию? Наш замкомвзвода говорил, человек сто, не меньше. А тут нас с тобой взяли...

Андрей, отчего-то вдруг погрузневший, будто только после Сашиных слов осознавший, что в экспедицию он попал по дикой случайности, по чьему-то недосмотру, из-за ошибки в записях или потому, что его просто забыли вычеркнуть из списка кандидатов, насупился и отвернулся.

– Меня еще и отец отпускать не хотел, – протянув ноги и заложив руки за голову, сказал Саша. – Даже командира моего просил, чтобы похерили меня. Все надеялся, что не возьмут, что не пройду отбор. Он, знаешь, из тех, кто считает, что лучше до старости гнить в Укрытии, чем раз увидеть мир. Я же наоборот: живи быстро – умри молодым. А как твои отнеслись к этому?

– К чему? – потеряв ход мысли, поднял голову Андрей.

– Ну, что тебя приняли в экспедицию?

– Мать... как мать, – развел руками он. – А отец, когда мне еще два года было, умер... По крайней мере, из города точно не вернулся.

– Он у тебя что, сталкером был? – В Сашиных глазах вспыхнул огонек.

– Да нет, не сталкером, – вздохнул Андрей. – Биологом, но часто работал на поверхности. Однажды не успел до восхода солнца найти себе убежище – проводники заблудились и... – Он громко выпустил через ноздри воздух. – Только через неделю один из проводников добрался до Укрытия, но и тот умер, так и не сказав, где остальные. Меня воспитывали бабушка, земля ей пухом, и мать, она хирург, в больнице работает, хотя уже плохо видит и слышит. Надеюсь, что я смогу стать достойной заменой, а меня вот, на военщину потянуло...

– Постой, постой. – На Сашиним лице вдруг заиграла загадочная улыбка. – Дай-ка я угадаю – ты сбежал! Да?

– Ничего я не сбежал, – зардевшись, что его раскрыли, попробовал опровергнуть догадку Андрей. – Говорю тебе – сам пошел.

– Не ври! – довольно прищурился Саша. – Сбежал.

– С чего ты взял? Я что, по-твоему, не могу сам за себя решить, что мне делать?

– Можешь, конечно. Но если у матери ты один, то никуда она бы тебя не отпустила, я уж точно знаю. А значит, ты сбежал.

– Хватит тебе! – сердито осек его Андрей. – Сам пошел, говорю. Матери записку оставил только. Не мог я ей сказать раньше, понимаешь? Не мог!

Снаружи становилось все темнее. От багровых лучей, пронизывающих мертвенный горизонт, остались только тающие розоватые лоскуты, проглядывающие словно сквозь толстый слой снега. На смену красочному закату пришла закономерная сумрачная угнетенность.

Глава 3

Руины за окном смазывались, растворялись в темноте, а за ними все чаще начали мелькать мягкие, крадущиеся тени. Мертвые улицы начали шевелиться, оживать. Вот игриво носятся по тротуару несколько собак, совсем щенки, треплют какие-то лохмотья. На обломках бетонной стены, насторожив уши и поджав хвосты, сидят две зрелые особи, принюхиваются, водят по ветру раздвоенными носами. Вот из дверного проема продуктового магазина неспешно вывалились несколько огромных черных тварей, поблескивающих хищными глазами и твердыми панцирями. Они похожи на гигантских омаров, но вместо привычных хвостов у них мясистые, извивающиеся конусовидные отростки, а вместо клешней – что-то похожее на острые г-образные кисти. Вот из широкой трещины в тротуаре взвились несколько лиан – это ростки прячущейся глубоко под землей кровожадной аркуны, только и ждущей, чтоб кто-то по неосторожности приблизился к ее логову.

Больше всего с приходом ночи появлялось собак. Одни сидели, провожая колону своими невидящими глазами; другие бегали, склонив морду и ища чей-то след; третьи лаяли на нарушителей вечерней тишины, пробежав за ними с десятков метров.

Сейчас они не опасны, за ними можно понаблюдать или даже любоваться, если угодно. Сейчас они просто резвящиеся животные, безобидные и несчастные уродцы, радующиеся наступлению темноты. Но стоит одной из машин остановиться, как их поведение сразу же поменяется. И не позавидуешь тому, кто волей случая останется здесь наблюдать за этим вне металлических стен.

– Сколько же вас здесь развелось-то, а? – качнул головой Стахов, рассматривая через заднее стекло непомерно разросшееся семейство четвероногих.

Вдруг его слух уловил посторонний шорох. Затем к нему добавилось слабое скрежетание. Комбат тихо поднялся с кресла, внимательно оглядел трясущийся в прицепе багаж и, не определив источник звуков, перетянул автомат со спины на грудь. Скрежет повторился. Держась за поручни, протянутые вдоль борта, Илья Никитич сделал пару осторожных шагов, опустился на колени и заглянул под днище «Разведчика». Кроме сложенного в несколько раз криокупола, теперь больше похожего на накрытый плащаницей труп, там больше ничего не было. Внутреннее освещение он еще не включал, а фонарик остался висеть в углу противоположного борта, и теперь Стахов бранил себя за такую непредусмотрительность.

Внезапно за заднее колесо ухватилась чья-то костлявая рука, заставив Стахова отпрянуть, вскочить на ноги и в мгновение ока направить на нее черное дуло автомата.

– Э-э, полегче там, – донесся из-под уазика знакомый голос.

Ствол Илья Никитич опустил, но всматриваться в темное пространство под задним мостом УАЗа все же не прекращал. А потом, поняв наконец, кому принадлежит этот голос, недовольно сплюнул и забросил автомат на плечо.

– Каран, ты что, дурак? Ты зачем пост оставил?

– Ну не ругайся, Никитич. – Из люка в полу, о существовании которого Стахов успел напрочь забыть, показалось узкоглазое лицо его напарника по заставе. – Помоги лучше вылезти, а то эта соединительная кишка рассчитана на каких-то тощих малолеток. Я в ней как колобок в желудке удава.

Илья Никитич выругался, снова сплюнул, но все же протянул руку напарнику, помогая ему выбраться из резинового рукава, протянутого между двумя прицепами и машиной.

– Хаким, ты зачем пост оставил, балда? – рассматривая гостя, усердно стряхивающего с комбинезона пыль, повторил вопрос Стахов.

– Блин, там пылищи – задохнуться, – словно не услышав вопроса, поведал Каран. – Представляю, как по нему продираться в этих самых экстренных случаях, да еще и с боеприпасами под руку. Погодь, Никитич, ты что, не рад меня видеть?

– Какого черта ты оставил пост, я спрашиваю?!

– Я же думал... – виновато вскинул на него глаза Каран, прекратив вытряхивать куртку.

– Думал, думал, – перебил его Стахов. – Сказано же, не покидать боевой пост во время дежурств!

Каран был, конечно, славным парнем. И хотя лет ему было около тридцати пяти, ребячества в нем оставалось хоть отбавляй. Шутник, раздолбай, балагур – все это было о нем. Он соткан из *этих* ниток, как говаривал старый Юхха, пропитан горячим черным юмором, присыпан ветреностью и завернут в кокон дурачества. Никто еще не знал Карана, философски размышляющего о жизни и о той канаве, по которой она стекает в бездну небытия. Для всех он был ходячий заряд оптимизма и жизнелюбия, от чистого сердца раздающий их тем, кто нуждается. Вот уж кто мог вселять веру в потерявших ее. А еще он отлично играл на гитаре, которую повсюду таскал с собой, а песни у него были все как на подбор: о жизни, дружбе и любви.

Стахов его любил как брата. И песни его слушал с удовольствием, когда имелась свободная минута. Но в то же время Илья Никитич был одним из тех уставных зануд, для которых понятия «служба» и «дружба» находились в разных углах ринга. Причем боец под именем «служба» выглядел как раздутый супертяжеловес, а его соперник походил на шуплого прыщавого старшекласника, попавшего на ринг по глупой случайности, проиграв друзьям в карты. Зачастую они так и топтались, разминаясь в своих углах, но гонг мог прозвучать когда угодно. Вот хотя бы сейчас.

– Ладно, – Стахов немного остыл, – раз пришел... приполз, проходи.

– О, это совсем другой разговор, – обрадовался Каран. Он последовал за Стаховым к его наблюдательному пункту, продолжая вытряхивать одежду. – Хорошо ты тут устроился, вид – что надо! Не то что мне – крутить головой в обе стороны. Кстати, Никитич, видел, сколько собачья расплодилось в городе? Я прозрел!

Хаким запрыгнул на капот уазика и вольготно там разлегся, протянув ноги чуть ли не до кресла Стахова. Он оперся спиной на лобовое стекло и заложил руки за голову. Как деревенский парень на стог сена, еще бы только соломинку в зубы да бутылку спирта в оттопыренный карман.

– Видел. У них как раз период такой. – Стахов щелкнул тумблером на контрольном пульте слева, возле рации. И тут же сверху, над прицепом, вспыхнул прожектор, пролив на убегающую дорогу широкую полосу желтоватого света. – Сейчас их больше, чем у нас есть патронов. Но ничего, за зиму их численность сократится.

– Ага, а до зимы еще как пешком до Харькова. Еще дадут они, сволочи, нам жизни.

– Тебе бы отчаиваться, – кинул на него косой взгляд Стахов. – Тебе же всегда море по колено?

– Да море-то морем, но вот все равно как-то кисло в последнее время на душе. А еще кислее становится, когда вижу это собачье кодро!

– Тебе кисло? – удивился Стахов. – Не смейся меня, Каран. Если б я тебя не знал, может, и поверил бы. Тебе ж кисло бывает, только когда последние медяки просадишь в карты.

– Не веришь. А я, между прочим, правду говорю. Вот как покинул Укрытие, так и совсем... – Он отчаянно махнул рукой. – Дурное предчувствие у меня какое-то.

– Зачем же тогда в экспедицию записывался? Сидел бы себе дома, в наряды ходил. И Укрытию пользу приносил бы, и никакие предчувствия не посещали бы.

– Скажешь тоже. Как это я сам на заставе останусь? Вы все, значит, на большую прогулку, а я сяду с новичками? – Он сухо засмеялся, но в глазах радости не было. – Нет уж, я как все.

– Как все? Странно. Раньше, если мне не изменяет память, ты назвал бы это стадным инстинктом. Так что же заставило тебя пойти за стадом, Каран? Поддался все-таки?

– Называй это как хочешь, Никитич. Я просто знаю, что больше нужен здесь. Тем более с Укрытием тоже что-то недоброе происходит. Вот чувствую я. – Он ударил себя кулаком в грудь. – И там хреново, и впереди беду чую. Вот как будто в тиски попал.

– Во как? – На лице Стахова застыло удивление. – Ты просто меняешься на глазах, друг мой. Еще вчера ты пил спиртягу в «Андеграунде», бабам песни посвящал, кадрил их там по полной и вообще радовался жизни. А сегодня тебе уже стало кисло, одолевают какие-то дурные предчувствия и с Укрытием нелады. В тисках его уже зажало. В «Андеграунде», небось, не зажимало?

– В «Андеграунде»... – хмыкнув, потер щеку Каран. – Скажешь тоже. Когда Петрович нальет первосортной, сам знаешь, как понести может.

– Хочешь сказать, что Кондратий к тебе зашел еще раньше? – улыбнулся Никитич.

– Все шутишь? А я тебе по правде говорю, что давка там какая-то, прямо шкурой чувствую. Вон, Шиш перед смертью все твердил, что видит, как над Укрытием какой-то шар навис и все снижается и снижается.

– Шиш на свою же мину наступил, Каран. Его контузило на всю голову, а заодно, вижу, и тебя. Какой еще к черту шар?

– Ну а Ветер? Он-то на мину не наступал, а перед тем как окончательно с катушек съехать, тоже твердил о какой-то силе, давящей извне, и что сведет она нас всех с ума по одному. Или, думаешь, сговорились? И я вот чувствую, Никитич, честное слово чувствую.

– Да что ты несешь, Каран? – В голосе Стахова послышалась раздражительность. – Какая еще давка? Какой шар? В гробу я видел ваши эти проповеди. Знаешь, сколько таких, как ты, уже было за тридцать шесть лет? Предсказателей, оракулов и прочих, на кого сходили откровения небесные? Некоторые даже конкретно называли день, когда Укрытие должно пасть. И что? Умерли все? А ни хрена. Так что не забивай себе голову всякой ерундой. В тисках его зажало! И придумает же.

– Ну хорошо, – согласился Каран после некоторых раздумий, – пусть будет по-твоему. Ответь мне тогда на другой вопрос: ты сам-то веришь в успех этой экспедиции? Ну, в то, что мы сможем помочь тем людям из харьковской подземки?

– Помочь? Не знаю, как насчет помочь, думаю, на месте сориентируемся. Если им нужны только боеприпасы и еда, то, думаю, на пару месяцев мы их точно обеспечим. Не забывай, наша основная цель – разведка. Прибудем на место, посмотрим, может, и поддержим чем.

– То есть мы едем не помочь людям, а только посмотреть на них, так получается?

– Каран, не задавай глупых вопросов! – вспыхнул Никитич. – Ты помнишь нашу с тобой первую спасательную операцию? Как мы пытались помочь людям из «Дружбы народов»? Забыл? Так вот, кто даст гарантию, как говорил наш старейшина, что подобное не произойдет в Харькове?

Мысли Карана всколыхнулись, словно давно никем не тревожившаяся вода, завертелись, раскручивая катушки памяти в обратном направлении, разматывая многолетние пленки пережитого. На пять лет назад, десять, двадцать...

Ему недавно стукнуло четырнадцать. Все выходы из метро на то время уже были либо взорваны, либо наглухо забаррикадированы, либо запечатаны железными заслонами, двери на которых открывались только снаружи. Внутри подземки уже лет семь как никто не входил. И не потому, что не нужно было, а потому, что боялись. Разные истории рассказывали сталкеры, которым приходилось приближаться к закрытым заслонам. Одни говорили, что за ними до сих пор слышатся нечеловеческие крики боли и стенания, другие говорили, что слышали, как там играет какая-то музыка, третьи уверяли, что слышали скрежет с той стороны занавеса, будто кто-то скреб ногтями по дверям. И уж почти всем, кто прикладывал ухо к холодной

металлической стене, если долго прислушиваться, удавалось распознавать на фоне давящей тишины голоса. Порой только шепот, порой словно чтение молитв, порой зов...

Двадцать третьего августа две тысячи двадцать шестого года Каранов третий раз в жизни поднялся на поверхность. «Монстра» тогда еще не было, его только годом позже притащат вояжеры с какого-то подземного бункера, где он простоял, что называется, «в масле» последних двадцать лет. На развозе тогда был старенький пазик, который также был обшит легкой броней и использовался как боевой транспорт. В тот день вояжеры, в числе которых были Каран и Стахов, возвращались назад не с пустыми руками. В намеченном сталкерами месте они нашли почти новый генератор. Поход был более чем удачным, ведь кроме нового генератора им удалось обзавестись еще и нужными деталями к тем генераторам, что стояли у них в Укрытии и уже дышали на ладан.

Возвращались под утро, так как работы было много, погрузка заняла почти всю ночь. Вдруг кто-то заметил, что двери на заслоне одной из станций сорваны с петель, а над зияющим чернотой проходом огромными буквами было написано: «Помогите!»

Сама мысль о том, что там, в изолированной от внешнего мира среде, мог кто-то выжить, заставила вояжеров забыть, что скоро рассвет, что нужно убираться из города как можно скорее, что спасательные операции следует проводить вовсе не средне вооруженным вояжерам, а специально подготовленным для этого сталкерам. Надежда увидеть живого человека, пусть нелепая, пусть бездумная, помешавшая им разглядеть, что смола, которой были нанесены буквы, уже стара и даже успела местами отвалиться, становилась сильнее инстинкта самосохранения.

Их не остановило и несчетное количество иссохших от длительного времени человеческих останков, усеявших собой пол вестибюля и коридор к эскалаторам. Они шли вниз по ржавым ступеням эскалатора, не сообразив, что люди, которым принадлежат те останки, бежали как раз на поверхность, бежали из бесконечных глубин тоннелей в последней надежде спастись. Не поняли они и того, что здесь же их настигла страшная смерть, разметавшая их тела на части, разорвавшая, пропустившая сквозь себя, словно через огромный измельчитель. Ослепленные идеей повстречать живого человека, вояжеры спускались и спускались вниз, осматривая забрызганные багровыми пятнами стены, не обращая внимания на дышащую в лицо угрозу, заглушая крик «Беги!», эхом звучащий в мозгу.

И только когда по платформе с застывшим посреди нее изъеденным ржавчиной поездом пронесся низкочастотный гул, будто по тоннелю пролетел невидимый сверхзвуковой самолет, и фонарики у вояжеров погасли, они вдруг поняли, что попали в западню. Вдогонку ко всему где-то сверху скрипнула ржавыми засовами дверь.

Их закрыли!

Первым вышел из состояния ступора командир. Он выкрикнул что-то вроде «Уходим!», но тут же какая-то невидимая рука подхватила его и бросила об землю так, что было слышно, как хрустнули ребра. Кто-то хотел помочь и подоспел к его распластанному телу, но и сам взмыл к потолку, а затем громко шлепнулся обо что-то металлическое, возможно о неподвижный состав на платформе. Загромыхали автоматы. В крошечной темноте при свете брызжущего огня не было видно ничего, они расстреливали темноту, но вместе с тем темнота брала их поодиночке, одного за другим, и отбрасывала назад, на платформу. Забирала себе.

Каран со Стаховым выжили только благодаря тому, что сразу же бросились вверх, не тратя времени на обстреливание невидимого врага. Побежали сами, не дожидаясь приказа командира. Они уже успели преодолеть половину расстояния, когда крики и стрельба внизу стихли. Бросив всю снарягу, зажав в руках только оружие, они сломя голову понеслись вверх. Это их и спасло. А также случайно попавшие в дверной проем кости, не позволившие дверям заслона защелкнуться полностью, закрыв молодых вояжеров там навсегда...

И пусть при этом они проявили крайнюю трусость, так и не сделав ни единого выстрела, за что их позже неоднократно потом грызла совесть, но зато выиграли жизнь...

Где-то слева затрещала рация, оборвав в мозге Карана воспроизводимую с точностью до мелких деталей пленку памяти. Раздался искаженный радиоволнами, но все же вполне узнаваемый голос Бешеного.

– Никитич, а где Одинокый-один? Что-то мы с ним связаться не можем, он не у вас там случаем?

И еще до того, как Стахов поднес рацию к щеке и нажал на кнопку связи, Каран понял, что врать комбат не станет. Слишком хорошо он его знал.

– Бешеный, он здесь, – доложил Илья Никитич, стараясь не смотреть в сторону напарника. – Я его позвал.

Рация молчала пару секунд, затем затрещала снова.

– Илья Никитич, берешь грех на себя? – самодовольный голос Тюремщика.

– Беру, – решительно сказал Стахов, оглянувшись на Карана. – Чего уж мелочиться-то? Одним больше, одним меньше.

– Хорошо, – смеясь, сказал Тюремщик. – Я просто хотел предупредить вас, что мы спускаемся на воду. К вашим услугам прогулки на речном трамвайчике, аттракционы и множество других развлечений.

А уже в следующий миг машины замедлили ход и пошли по наклонной.

Впрочем, никакого всплеска не послышалось.

Когда-то здесь была река, настоящая, широкая, полная чистой, живой воды. Река – жизнь, река – гордость, река – предание, воспетая народными песнями и окутанная древними легендами. Днепр.

Сейчас уже трудно поверить, что этот широченный ров, кривой и ухабистый, был раньше весь до краев заполнен водой, что здесь обитали рыбы ценных пород, водную гладь бороздили пассажирские теплоходы, бурлящими «расческами» возвышались плотины электростанций, а у причалов сияли, озаряя ночь тысячами разноцветных лампочек, плавучие казино и рестораны. Невозможно было и представить, что летом эти корявые берега превращались в место отдыха для тысяч горожан, детей, плескающихся в теплой воде, возводящих дома из песка, визжащих от переполняющей их радости и удовольствия, а на Венецианском острове, ныне больше смахивающем на астероид, наполовину ушедший в дно высохшей реки, когда-то располагался развлекательный комплекс «Гидропарк» со множеством пляжей, аттракционов, ресторанов и лодочных станций. Теперь же ржавеющие остатки каруселей в отблесках света фар выглядели как протянутые к небу кисти рук, обглоданные и иссохшие, просящие о помиловании, о спасении.

Легендарная река давно превратилась в пар, поднялась в атмосферу лишь для того, чтобы выливаться обратно, щедро орошая мертвой водой проклятую земную юдоль и трепыхавшихся в ней в стремлении выжить существ.

– Чего-то затишье подозрительное какое-то. – Бешеный выбросил окурочек через приоткрытое боковое окно. – Давно такой ночи не было. Одни собаки.

В еще не выветрившихся клубах дыма, разъедающих глаза, его можно было принять за новый вид мутанта с торчащим остроконечным гребнем для испарывания животом несчастным жертвам.

– Не каркал бы ты, а? – прищурился Тюремщик. – Вечно тебе не хватает острых ощущений. Кого тебе еще надо-то?

– Ну, хоть бы пару летунов для разнообразия... – Он рассмеялся и хлопнул Тюремщика по спине, зная, как тот до одурения ненавидит шутки подобного рода. Особенно на поверхности.

– Чего ты несешь, балбесина?! – раздосадованно просипел Тюремщик. – Вечно ты должен накликать беду своей болтовней!

– Релакс, бой, – многозначно протянул Бешеный и опять хлопнул друга по плечу, – все под контролем. Если будут проблемы – папуля все уладит. – Он стукнул себя кулаком в голую грудь. – Я не дам тебя в обиду, малыш.

– Слушай, ну помолчи, а? До чего же ты бываешь редкостным занудой! Иногда так и хочется взять твою мачете и обрубить этот твой чертов язык!

– Язык??? – шутливо изобразив на лице глубокое удивление, подпрыгнул на месте Бешеный. – Тюрьма, как ты можешь такое говорить? Линка меня сразу же бросит! Лучше уж отруби мне яйца!

И он протянул ему один из своих громадных ножей.

– Отстань, – отмахнулся Тюремщик. – Линка тебя все равно бросит, хоть ты с языком, хоть без.

– Это еще почему?

– Потому что ты ее не удовлетворяешь за свои пять минут дерганья! – с лицом, готовым вот-вот растянуться в улыбке, ответил Тюремщик.

– Это она сама тебе сказала?!

– Да, когда я ей вот на днях засаж...

– Ах ты сучонок! – взревел Бешеный и, выкрикивая ругательства и брызжа слюной, набросился на него и принялся колошматить. С таким остервенением, будто пытался вытрясти из него последнюю монету. – Я тебе покажу «на днях»!

Тюремщик сдерживаться больше не мог – загоготал во весь голос. Практически не оказывая сопротивления и не в силах прекратить смеяться, он забрал руки с руля и сполз на пол. Сверху его своей массой придавил Бешеный, не переставая испытывать на прочность его бока, в частности печень, не всерьез лупя по ним кулаками и коленями.

– Слезь с меня, ты, извращенец! – закричал Тюремщик, не находя в себе сил, чтобы остановить смех. – Она говорила правду!

Машина пошла змейкой, то притормаживая, то, наоборот, разгоняясь. Случайно придавив педаль газа в пол, они едва не наскочили на мерно шествующую впереди «Бессонницу». Вывернуть руль удалось лишь в последний момент, когда своим клином «Монстр» чуть не поддел ее за гусеницу. А в следующую секунду они уже на всех парах мчались навстречу догнивающему остову катера, разлегшемуся посреди русла реки, и в этот раз столкновения избежать не удалось. Куски обшивки взмыли в воздух, закружились над кабиной, разлетелись в разные стороны, ржавый остов прогулочного катерка переломился пополам, безропотно пропустив сквозь себя грозную машину со своим немалым багажом. «Монстр» при столкновении лишь слегка покачнулся, будто легковушка, попавшая в зону высокого давления с сильным встречным ветром.

Затрещала рация.

– Э, братишки, вы там чего? – прозвучал подсевший голос Крысолова, командира «Чистильщика», а заодно и начальника экспедиции, как всегда, суровый и насмешливый одновременно. – У вас там все нормально? Или решили порезвиться немного?

– Все нормально, кэп, – ответил Тюремщик, влезая обратно на сиденье и схватив рацию как гранату, у которой выпала чека. – Немного отклонились от курса, сейчас все выправим. – Затем, отпустив кнопку связи, повернулся к Бешеному и замахнулся на него зажатой в руке рацией: «У-у, балбесина!»

Бешеный смеялся, его еще здорово держало выкуренное зелье, подогнанное любезным Петровичем, который, что называется, «держит бренд и херни не подсовывает». Суеверный Тюремщик постукивал по деревянной дощечке, специально припасенной для такого случая, мысленно прося Бешеного, чтоб тот больше не трндел о летунах и прочей нечисти. Андрей все еще обижался на своего рыжеволосого напарника, но в то же время с любопытством слушал его рассказы о том, как проходил отбор и как его едва не отсеяли, сказав, что у него есть пара болезней, с которыми нежелательно подниматься на поверхность...

И вдруг кабину «Монстра» сотряс крик, вмиг оборвав и музыку, и раздумья, и смех, и пустую болтовню. Крик из рации, над которой загорелась цифра 3, тут же вывел всех из инертного состояния, словно впрыск лошадиной дозы адреналина.

– Одинокй-два... – догадался Бешеный, согнув руку в локте и указав большим пальцем на заднюю стенку кабины. – Никитич...

Что именно он прокричал, с первого раза никто и не расслышал, настолько громким, внезапным и резким был его окрик. Тюремщик потянулся было к рации, как очередной вопль заставил его вздрогнуть и похолодеть. Голос комбата, обычно такой спокойный и уравновешенный, был полон тревоги. Даже со второго раза непонятно было, что он хотел сказать.

Правая нога Тюремщика рефлексивно вдавилась в пол, заставив машину мчаться во весь опор, не обращая внимания ни на оставшуюся в стороне «Бессонницу», ни на приближающуюся громадину «Чистильщика».

– Стоп машина, идиоты!!! – наконец удалось разобрать слова Стахова. – Мерзлые!!!

В следующий миг «Монстр», подобно адскому носорогу, всеми колесами вгрызся в загрубелую глинистую поверхность дна, задрожал, заскрежетал старыми суставами, заскрипел тормозами, поднимая за собой песчаные тучи.

Бешеный, краем глаза заметив, как Тюремщик отдергивает ногу от гашетки акселератора, будто от раскаленной поверхности утюга, и вжимает в пол педаль тормоза, вытянул вперед руки, дабы не врезаться головой в лобовое стекло. Тряхнуло здорово, «База-2» со Стаховым и Караном на борту едва не опрокинулась, колеса заскользили из стороны в сторону, а мгновение спустя хвост прицепа уже начало заносить влево. Любая кочка, любая, даже совсем безобидная, выемка могла сыграть роковую роль в судьбе «Базы-2», опрокинув ее на бок и оторвав от основного состава.

– Тормози-и-и!!! – снова закричала рация голосом Стахова.

Тюремщик, проклинавший себя за идиотскую свару с напарником, понял, что, если сейчас же не отпустить тормоз, «База-2» догонит его, и убрал ногу с педали. «Бессонница» мелькнула где-то справа, слава богу, ее не зацепит.

Бешеный машинально схватил рацию, ткнул пальцем в кнопку на пульте с надписью «Внешняя связь» и, приложив микрофон к губам, выкрикнул примерно то же, что и Стахов, в безумной надежде, что остальные расслышат его с первого раза, поскольку повторять эти слова дважды ему совсем не хотелось.

«Монстр» наконец остановился, заглушив двигатель. За ним тянулись вспаханные колесами глубокие борозды, а в воздухе все еще неслись вперед, подхваченные ветром, сплошные стены пыли. Свет погас одновременно во всех машинах, как в упавших на дно океана подводных лодках.

Люк в фургон распахнулся, словно глаз громадного чудовища.

– Мелкие, запомните, – впопыхах прошептал Бешеный, – что бы вы ни увидели – не кричите. Закричите – подпишете всех. Если *они* войдут, не шевелитесь, не дергайтесь, не дышите, мать вашу, не хлопайте даже ресницами, а главное – не бздите. Если они вас учуют, вам не жить, ясно? И никто вам не поможет. Никто.

Они затрясли головами, побледнев и выпучив глаза, словно две выброшенные на берег рыбы. В мозгу Андрея лихорадочно начали всплывать какие-то незаконченные фразы, слова,

Моментальный порыв, жгучее желание оглянуться вмиг овладело им. Руки инстинктивно сжали автомат, да так сильно, что, казалось, не выдержит каленое железо такого давления. Но в следующий миг другая мысль камнем понеслась вниз и гулко шлепнулась о дно его повергнутого в ужас сознания. Нет, не бежать, не надеяться на оружие... опустить руки.

...Если войдут, сидеть тихо, не шевелиться, не моргать... Да...

«Как же холодно, – дрожа всем телом, думал Андрей, – как же не шевелиться, если так холодно...»

Но он не шевелился. Не повел головой и когда булькающий звук, будто кто-то вытягивал через трубочку со дна стакана воду, приблизился и стал теперь похожим на выдох. Не дыхание, а именно выдох, постоянный выдох, хриплый, пробивающийся наружу словно через забитое, истекающее мокротой горло.

Не шевелиться... Не шевелиться...

Искрящаяся, прозрачно-белая сфера проплыла по воздуху прямо у него над головой, пройдя сквозь стену фургона, будто ее и не было, опустилась, поравнявшись с одичавшим от страха Андреем, уже забывшим о дрожании и шевелении, не моргавшим и даже не помышлявшим о том, чтобы дышать.

Аномальное облако... Еще одно появилось в передней стене, пройдя сквозь соединяющий кабину и фургон люк, приблизилось к первому, проскользнуло через него, ушло в боковую стену. Первое продолжало висеть на уровне Андреевой головы. Всматриваясь немигающими глазами, Андрей сумел разглядеть внутри полупрозрачной сферы человеческий контур. Быть может, это только мерещилось, потому как замерзший мозг давал повод усомниться в своих выводах, но то, что он видел, казалось ему реальным – внутри сферы был четко виден абрис человека со сложенными по швам руками, выгнутой вперед шеей, с открытым в безмолвном крике ртом, но почему-то безногого и покрытого льдом. Обмороженные, мертвые члены не двигались, глаза неподвижно устремлены вдаль, в одну точку.

«Это души экипажей судов, – пронеслась безумная мысль в его обмерзшей голове, – души тех, кто утонул в этой реке».

Еще один мерзлый выплыл из темноты, клокоча проеденным червями (по крайней мере, такую картину нарисовало Андрею ошеломленное воображение) горлом, и медленно проплыл к кабине. За ним появился еще один, в облики женщины. Отвратительное, жуткое лицо, словно замороженное на предпоследней стадии разложения, вдруг с треском то ли обсыпавшегося льда, то ли ломающихся позвонков повернулось к Андрею. Наклонилось, для того чтобы лучше рассмотреть его застывшее в позе эмбриона тело, и в его черных глазных ямах что-то сверкнуло. Нет, черт возьми, ничего там не сверкнуло, они смотрели на него двумя темными безднами, и не отражалось в них абсолютно ничего.

Андрей медленно, будто опасаясь спугнуть присевших на заиндевевшие ресницы бабочек, сомкнул веки. Сначала он приказал себе не дрожать, и это почти получилось, затем приказал не дышать, и это оказалось не так уж и сложно, но, черт подери, как заставить сердце прекратить этот оглушительный раш?!

Кто-то вдыхал холодный воздух дырявым горлом совсем близко. Немыслимый, панический ужас заставил Андрея закусить губу и сомкнуть веки еще сильнее, до появления перед глазами белых кругов.

В следующую секунду его сознание заполнила другая, совершенно новая мысль, от которой к горлу подкатил густой ком. Эти облака могут сновать здесь вечно! Кто сможет заставить их теперь уйти отсюда? Они могут облюбовать это место и остаться здесь навсегда. Кто-то говорил раньше – теперь Андрей это вспомнил очень четко, – что мерзлые месяцами могут обитать на одном и том же месте. Они не боятся солнца. Кто-то видел айсберги замороженных руин и автомобильных каркасов в гряде сизых облаков, не тающих даже днем. А также столбы в

человеческий рост на тех местах, где обитали мерзлые. Много столбов, незаконченными крестами торчащих из земли. И чем больше Андрей думал об этом, чем красочнее и реалистичнее представлял себе со стороны эти облака, взявшие в плотное кольцо все три машины, тем больше узнавал в одной из двух десятков снежных фигурок себя: с распахнутыми во всю ширь глазами, бегающими в немом ужасе зрачками и двумя протаявшими ручейками слез...

Он хотел закричать, ему даже показалось, что он уже кричит, безудержно, во весь голос кричит, будто зная, что это последнее, что можно сделать, прежде чем отправиться в мир мерзких, заколеченных теней. Но он не кричал, и ни один мускул на его лице не дрогнул. В его глазах, отразившись ночным северным небом, утонуло жуткое облако и тут же пропало под закрытыми веками. После этого наступила тишина...

– Э-э, очнись, – кто-то тряс его по очереди то за одно плечо, то за другое, шлепал по щекам, приподнимал веки. – Малой, ты чего? – Потом, обратившись к кому-то другому: – Бешеный, он вообще живой или я пытаюсь воскресить жмурия?

– Да живой он, прикидывается, – заверил его голос Бешеного. – Сейчас я его отогрею. – И вслед за этим послышался звук расстегиваемой молнии.

– Ты чего, одурел?! – спохватился тот, кто тряс его за плечи.

– Да шучу я, Тюрьма, – сквозь смех проговорил Бешеный. – Сейчас сам очнется. Дай ему нашатыря.

Он не знал, сколько времени прошло, но все это время слышал, как его пытаются привести в чувства, матерятся, хлопают по щекам. Потом опять стало светло перед глазами, опять снежная белизна. Нет, не белизна, свет уже другой, не такой яркий, не такой насыщенный. Размытые контуры окружающих предметов темнеют, обретают четкость, пока не становится очевидным, что свет явно не снежный, а форма людей черна, как эбеновое дерево. Рядом, присев на корточки и проверяя пульс у него на шее, вращал гребнистой головой, как всегда, полуобнаженный Бешеный.

– Тюрьма, с тебя бутылка, я же говорил, что он живой. – Потом снова оглянулся на Андрея, прищурился, словно смотрел на него через щель в стене. – Мнительный ты, парнишка. Как зовут-то тебя?

– Андрей, – ответил он и заметил еще одного человека в черной одежде, стоящего позади всех них, скрестив на груди руки и с иронической улыбкой поглядывающего в его сторону.

Черт, Крысолов... Вот уж перед кем-кем, а перед этим человеком Андрею меньше всего хотелось выглядеть перепуганным мальчонкой, упавшим в углу в обморок при виде замороженных облачков. Никогда не разберешь его взгляд: то ли серьезный, то ли шуточный. Иногда думаешь: вот, улыбается, сейчас скажет что-нибудь эдакое смешное, сострит, как он умеет. А нет, не шутку, оказывается, задумал – молча подойдет и как врежет по затылку своей огромной ручищей, так и перекутишься раза три в воздухе, прежде чем поймешь что к чему... И не спрашивай за что – еще раз отхватишь, как пить дать.

Все говорили, что Стахов строг, так вот этот во сто крат хуже Стахова будет. Влепить затрещину он мог где угодно, и пожаловаться за это на него можно было разве что лишь одному Господу Богу. Он был Учителем. А на Учителей в Укрытии никто не имел влияния, даже Военный совет, хоть он и был наделен и законодательной, и исполнительной властью и, в теории, мог бы установить общие рамки поведения для этой категории населения. Но Учителя были отдельной фракцией, они не вмешивались во «внутригосударственную» (если ее так можно назвать) деятельность, не принимали участия в рассмотрении административных вопросов и не были заинтересованы в общественных делах – прямо как церковная парafia в прежние времена. Разве что только существовали они не за счет податей и приношений, а все же беря свою нескромную часть средств из общей казны. А что поделаться? Ведь они воспитывают тех,

кто в ближайшем будущем встанет на защиту Укрытия, как Стахов, или пойдет наружу, как Бешеный с Тюремщиком, или же с точностью до миллиметра в скудно освещаемых цехах будет делать гильзы для патронов, как покойный – царствие ему небесное – старик Юхха.

Именно Учителя распределяют юношей и девушек, оценивая способности и возможности каждого, дабы в полной мере раскрыть, на что способен будет тот или иной молодой абитуриент, вчера закончивший обычную школу и сегодня готовящийся получить свою путевку в жизнь.

Андрей проходил школу выживания именно у него, у легендарного Крысолова. Пусть за восемь месяцев им приходилось видаться всего несколько раз, именно он поставил в его деле свою широкую, властную подпись под штампом «готов» напротив графы «пригодность к военной службе».

«А теперь я распластался перед ним, весь мокрый. Валяюсь тут то ли в луже растаявшей мерзлоты, то ли обоссавшись от страха, а он небось уже триста раз пожалел, что взял меня в экспедицию... если не вообще о том, что подписал на военную службу!»

Но Крысолов, он же Кирилл Валерьевич, похоже, в эту минуту думал вовсе не об Андрее и не о его слабости перед аномальными облаками. Он улыбался, но улыбка его была словно реакцией на просматриваемое кино, демонстрируемое с невидимого полотна только для него.

– Все нормуль, Андрюха, – хлопнул его по плечу Тюремщик, заметив, как тот сконфузился при виде Крысолова. – Все через это проходят. Давай-ка подымайся. И, раз ты уж малехо отоспался, заступишь на первое дежурство. Пойдешь в напарники к своему комбату, – с ехидцей, в своем стиле, он осклабил только правой частью рта и еще раз хлопнул новичка по плечу. – Возражений, думаю, не будет?

– Нет. – Андрей резво поднялся с мокрого пола, поднял с пола мокрый автомат и иступленно принялся вытирать его рукавом.

Ему хотелось выглядеть как можно стойче, но скрыть недовольства он не мог. Черт, значит, Стахов разболтал о том, что он заснул на посту! Небось, во всей красоте преподнес. Так, как они умеют, старики. Мол, вот такая нынче молодежь пошла, и двух суток без сна продержаться не могут! Вот мы-то в их годы... И давай вспоминать о былых подвигах, что да как было и кто по сколько суток без сна и пищи, с десятью патронами в магазине, за семь кварталов от Укрытия и несколькими минутами в запасе до восхода солнца, в окружении обозлившихся мутантов и тварей безобразных... А сейчас дряхлые молодые все – не мужики, а мешки с тряпьем. Всучили им по автомату и по два рожка, вот они и думают, что все им по фигу и спасет их оружие от всех бед. А вот только черта с два! Если в башке ветер, в сердце гордыня, а в руках вместо мышц вата, никакое оружие не поможет. И понять-то это не всем дано. Талдычишь, талдычишь им, а все равно как об стену горох. Пока сами лоб в лоб не столкнутся с чем-то таким, от чего волосы дыбом встают, не поумнеют. А поумнеют – так иногда поздно уже.

Все это Андрей слышал не раз. И пускай Стахов, в силу своей неразговорчивости, выражался другими словами, суть от этого вряд ли менялась. Так всегда говорят. Так говорят старшие, когда новички не справляются с заданиями, засыпают на постах или не угождают им в чем-то еще.

– Ну и ладушки. – Тюремщик зачем-то поправил нож на поясе и повернулся к Крысолову: – Купол растягиваем?

– Уже растянули, – не мигая ответил Кирилл Валерьевич. – Давай ко мне на совещание.

И сам поспешно скрылся в дверном проеме. За ним прошмыгнул, словно черная тень, и Тюремщик, оставив Андрея в залитом ярким солнечным светом furgоне одного.

Глава 4

Андрей вышел из машины и зажмурился от больно резанувшего по глазам яркого света. Он слышал, что солнце – мощный источник энергии, в одночасье накрывающий светом большую часть планеты, но что будет *так* ярко, *так* ослепительно больно глазам и не упасет даже темный материал криокупола с вшитыми в него пластинами из огнеупорных сплавов, предположить никак не мог. После стольких лет пребывания во тьме глаза, никогда не видевшие иного освещения, кроме лампового, не могли привыкнуть к естественному, природному свету.

И зачем только в нем окон еще понаделали, недоумевал Андрей, ведь и так просвечивается, как марля?

Он стоял, держась за поручни трапа, минут пять, рассматривая за закрытыми веками разноцветную мозаику и почему-то вспоминая безразличное выражение лица Крысолова, когда тот стоял за спиной Тюремщика.

– Сейчас привыкнешь, – услышал он знакомый голос. – Я тоже долго привыкал.

Сашка.

– Где все? – уловив лишь отзвуки шипящего пылью ветра, спросил Андрей. Он опустил голову и часто-часто захлопал ресницами, словно от попавшей в глаза мыльной воды.

– Старшаки на совещании у Кирилла Валерьевича. Другие отсыпаются. Я вот тоже иду – заступаю через три часа, сразу после тебя.

– Слышь, – прекратив моргать и чуть приоткрыв глаза, несмело позвал Андрей, когда Саша уже собрался уходить, – а как эти мерзлые... ну, в общем, когда они покинули нас?

– Не знаю, я ведь тоже вырубился, – понизил голос Саша, будто поведал о чем-то крайне постыдном. Андрею даже показалось, что щеки у того зарумянились, как у смущенной непристойным вопросом девицы. – Эта бредятина прикоснулась ко мне. Почти прошла сквозь меня, представляешь? Просто очнулся я на минуту раньше тебя, вот и не засек меня Бешеный.

Андрей осторожно, но в то же время с некой решимостью приоткрыл глаза еще и посмотрел на своего нового друга. Совсем как на кровного брата, отхватившего у отца таких же люлей за вместе содеянное преступление.

Андрей всегда знал его как шалопутного, хвастливого раздолбая и хулигана. Подчас ему даже сложно было понять, как так получилось, что этого абсолютно не поддающегося воспитанию заядлого спорщика, доводящего некоторых педагогов в школе до бешенства, вообще приняли на военную службу. А уж то, каким чудом Саша умудрился пройти отборочные тесты, озадачивало не только Андрея – ведь не скрывай он присущей малолетним хулиганам дерзости, излишней самоуверенности и храбрости, ни один Учитель не поставил бы штамп одобрения в графе «военная служба». Было много случаев, когда юноши с помощью напускной крутости и смелости уверяли Учителей в своей готовности к строевой службе, а потом в панике покидали заставу, бросив оружие и оставив товарищей на растерзание прорвавшихся в шлюз тварей. А на поверхности? Туда же выходят в основном малыми группами – два, три, четыре человека. И если один из них окажется психически нестойким в условиях постоянной и явной угрозы – что тогда? Что делать, когда он с перепугу начнет палить во что попало и бежать куда глаза глядят?

Хотя, если говорить начистоту, Андрей, вспоминая крайний наряд на «северке» и аномальные облака, себя считал тоже не особо стойким, а потому сомнения относительно Рыжего как-то затерялись среди его собственных.

– Я это... – выдал он из себя, наконец раскрыв веки полностью и почувствовав, что свет уже не так больно режет по глазам. – А где мы сейчас?

– Березань. – Саша потоптался на месте и уселся на железную ступень, многозначительно цокнув языком.

Андрей последовал его примеру и также опустился рядом, обняв гудящую голову руками:

– Далеко от Киева?

– Да не-е-ет, – отмахнулся Саша. Пошарив свободной рукой у себя за пазухой, он достал сложенную в несколько раз карту. Старую, затертую, обкусанную по краям, выпачканную грязью и местами сбрызнутую мелкими коричневыми пятнышками. Словно не карту Киевской области, а карту, на которой отмечено месторождение золота и за которую люди готовы резать друг другу глотки. – Смотри, вот здесь мы. – Он ткнул пальцем в неправильной формы оранжевый овал, изрезанный белыми полосами вдоль и поперек. – Вообще ерунду проехали.

– А Харьков где? – пошарив взглядом по карте, спросил Андрей.

– Поди узнай. У меня ж только такая карта есть.

Андрей не спрашивал, откуда тот ее вообще взял, ведь довольно дефицитная вещь. Зная природу такого типа людей, об этом несложно догадаться. Любивший забиваться на спор, играть на деньги в «земли», заранее зная, что так кидать нож, как он, никто не умеет, любивший одурачивать нерасторопных одноклассников в «трыньку». Быть может, поэтому он прошел все тесты и сумел обвести вокруг пальца самого Крысолова, уж чей проницательный взгляд, казалось, похлеще рентгеноскопа просматривал насквозь каждую душонку, заглядывая даже в самые темные уголки. Или, возможно, наоборот – как раз и разглядел в нем Крысолов того шулера, который сможет обмануть смерть, подобно некоторым легендарным сталкерам, годами разыгрывающим с ней одну и ту же партию в покер?

Так это или нет, узнать, конечно же, вряд ли когда-нибудь удастся, да и не об этом сейчас думал Андрей. Больше его интересовало другое.

– Как думаешь, за сколько дней мы до него доберемся?

– Не знаю, говорят, все зависит от погодных условий и от того, какой путь выберут.

– А что, их много?

– Вроде как два, я от Тюремщика слышал. Один типа магистраль через Полтаву, по ней будет быстро, а другой – проселочными дорогами, будет дольше, но вроде бы не так опасно.

– Не так опасно? – рассматривая свои изношенные, припавшие пылью рантовые сапоги, переспросил Андрей. – А разве бывают неопасные дороги?

– Не знаю, – повел плечом Саша, – может, и бывают, раз говорят. Они ведь сталкеры, им виднее.

– Сталкеры? – механически переспросил Андрей и вдруг сменил тему: – Ты бы тоже хотел быть как они?

– Спрашиваешь еще, – горделиво вскинул подбородок тот. – Зачем же я вообще здесь?

– Думаешь, будет тебе так фартить, как им? – кивнул на кабину «Монстра» Андрей.

– Может, и будет, а нет так нет. Все равно это лучше, чем всю жизнь грести коровий навоз, тягать пропашник или горбатиться в цеху.

– Знаешь, мой друг Олег...

– Я знаю, – перебил его Саша. – Он не прошел отбор, провалился еще на втором экзамене. Куда его определили? Хоть не в коровник?

– В литейный, – не подымая головы, ответил Андрей. И хотя ему не понравилось то, как небрежно отозвался о его товарище Саша, он старался сохранять хладнокровие, лишь плотно сжал губы. Прежнее желание броситься Сашке в объятия, как к кровному брату, сменилось внезапным желанием врезать ему по лицу.

– Значит, горбатится в цеху, – так же бесчувственно констатировал он. – Хотя это еще ничего. Вон брат мой, Сенька, подрастет, так ему одна дорога – на коровник. Зрения тридцать процентов и с руками нелады: недоразвиты суставы. В общем, даже на нижние уровни, на комбинат никакой не возьмут. А ведь он неплохой парень, забавный, петть хорошо умеет, сам песни сочиняет.

– Я тебе просто хотел сказать, что не всем, кто хочет быть сталкером, выпадает такая возможность, и не все, кому она выпала, смогут ими стать, – отчеканил Андрей.

– Это ты на что намекаешь? – прищурился Саша, пряча обратно разложенную на коленях карту и сгребая в руку выпавшие на ступень бусы.

– Да чего ты напрягся-то так? Ни на что я не намекаю, я говорю, что думаю. Многие, кто, как ты сказал, тягают пропашник, могли бы тоже быть неплохими сталкерами. Просто не повезло им на отборе. А те, кто поступил на службу, могут так никогда ими не стать.

– Что ты имеешь в виду? – сдвинув брови, наморщил лоб Саша.

– А ты не понимаешь? Вспомни хотя бы мерзлых. Знаешь, они же могли так сновать через наш фургон, сколько им вздумается. Обволокли бы машины своими облаками на полдня, и пиши пропало. Хотя каких там полдня – часок с головой хватило бы, чтоб окочуриться. И где был бы твой сталкинг? Что на твоей надгробной плите написать: этого парня не зря отобрали, он был доблестным сталкером на протяжении пяти часов экспедиции?

– А на твоей – что? – В его голосе зазвучали недружелюбные ноты. – Он умничал на протяжении пяти часов?

– Так я ж просто рядовой, – словно невзначай скользнул он рукой по правому лацкану, к которому был приколот значок с изображением двух перекрещенных винтовок на фоне щита – необязательный атрибут военных в Укрытии. – А ты же ста-а-алкер...

Некоторое время тишину нарушал только заунывный свист сквозняка, проносающего внутрь «коробки» песчинки пыли. Тягостный, нудный мотив...

– Значит, за друга все-таки обиделся? – понимающе покивал Саша и отвернулся. – Я так и думал. Зря, я же не со зла. А относительно мерзлых... по-моему, ты бредишь. Тебе бы отдохнуть не мешало. Хочешь, я вместо тебя подежурю сейчас?

– Да нет, спасибо, – ошарашенный таким неожиданным поворотом событий, очнулся Андрей. – Я в норме.

– Ладно. – Саша поднялся на ноги, расправил плечи, похрустел шеей. – Тогда я пойду, как говорил Бешеный, костыли отброшу. Через три часа на смену. Не скучай здесь.

– Постараюсь, – прозвучало ему в ответ.

Становилось жарче. Стрелки на древних Андреевых часах – бабушкином подарке – указывали только на полдесятого, но снаружи уже здорово поджаривало, воздух становился спертым, влажным, с привкусом плавящейся канифоли – включился в работу криокупол.

Криокупол имел удачную конструкцию, он полностью накрывал и сами машины, выстраиваемые в форме прямоугольной коробки, и пространство внутри нее, предназначенное для людей. Эдакий зонт посреди пустыни, защищающий от немилосердно палящего солнца.

Снаружи машины обкладывались дополнительными металлоасбестовыми щитами, ко всему прочему, они не позволяли спасающимся от дневного пекла существам прорваться внутрь коробки под днищами машин и прицепов.

Стопроцентной защиты криокупол не гарантировал, мог в каком-то месте и прорваться, как сказали бы ученые, не выдержав сумасшедшего потока частиц энергии, что ниспосылало на него небесное светило. К тому же все зависело от места для стоянки. Если июльским утром вовремя не отыскать какой-нибудь тенистый уголок, до трех пополудни можно было задохнуться и под куполом...

Андрей расстегнул две верхние пуговицы и поднялся со ступени трапа, когда дверь «Форта» в дальнем конце отворилась и в проеме показалась знакомая лысая голова. Стахов Илья Никитич. Покачиваясь, он спустился по трапу на землю, достал из кармана очередную самокрутку и чиркнул спичкой об воротник. Не спеша раскурил ее, смакуя первые, самые лакомые затяжки. За ним из базы вышли еще несколько человек, спустились вниз, сгруппировались возле Тюремщика, продолжая о чем-то тихо беседовать. Предпоследним совещание покинул Крысолов, а за ним – о боже, у Андрея чуть челюсть не отвисла – грациозно выпорхнула девушка. Невысокая, но до одурения красивая, на вид лет восемнадцати-двадцати, с короткой черной стрижкой и непривычно темным оттенком кожи, как у тех девушек в купальни-

ках на обложке календаря, нежащихся в солнечных лучах на фоне набегающих морских волн. Возможно, оттого ей так шел этот черный комбинезон, подчеркивающий налитые упругостью полушария груди и стройную фигуру? А возможно, и потому, что расстегнутые верхние пуговицы и закатанные до колен штанины придавали ее образу такую бурлящую сексуальность, что Андрей едва удержался на месте, чтобы не подойти и не посмотреть на нее вблизи, а при возможности и прикоснуться к этому необыкновенного цвета телу.

– Чего уставился? – знакомый голос мгновенно вывел его из состояния нирваны.

– Илья Никитич, извините, я...

– Я вижу. Попроще лицо сделай и не пялься на нее так, будто призрак увидел, она этого не любит.

– А кто это?

Стахов помолчал, безразлично окинул взглядом продолжающий спор военный ареопаг и снова затянулся. Он курил постоянно, был закоренелым курильщиком, наверное, лет с семи, но, как ни странно, никогда не кашлял, хотя пальцы и ногти на руках уже из пожелтевших давно превратились в коричневые, а были бы на голове волосы – независимо от цвета к сему времени стали бы как стог сена.

– Юля, – ответил он, спустя длившуюся для Андрея вечность минуту.

– Юля, – повторил Андрей, не замечая, как его лицо расплывается в глупой улыбке. – А кто она?

– Девушка, не видишь, что ли?

– Я понял, что девушка. Но откуда она взялась здесь? Я никогда раньше ее не видел.

Минуту спустя пространство внутри «коробки» опустело. Люди, словно испугавшиеся солнечного света насекомые, скрылись внутри машин, а вместе с ними, будто растаяв в воздухе, исчезла и потрясшая Андрея девушка. Он не знал, в какой именно отсек «Форты» она вошла, ему достаточно было смотреть на то место, где она только что стояла, поглощая глазами вылепленный воображением ее силуэт.

– Ты многого еще не видел. Но это же не означает, что этого не было. – Стахов прошелся взад-вперед, то приседая, то, наоборот, вытягивая шею, как жираф, и крутя головой во все стороны. Андрей понимал, что ему следует заняться тем же, а именно проверкой герметизации купола в местах его крепления к машинам, но его взгляд словно расфокусировался, стал каким-то отвлеченным, мечтательным и настолько влюбленным, что даже Стахов не стал ничего говорить.

Кто знает, возможно, он вспомнил себя в таком же возрасте, когда впервые увидел в школе чудесную девушку по имени Ольга, после сыгравшую в его жизни важнейшую роль и не давшую ему умереть в то время, когда он желал этого превыше всего. А возможно, знал, что больше такой возможности у парня не будет, так пускай помечтает вдоволь хоть сейчас.

И определенно в чем-то был прав.

– Товарищ командир батальона, – поднял на Стахова глаза Андрей, лениво перемешивая ложкой в армейском котелке пахнущее размокшей древесиной варево, – можно вам задать вопрос?

– Андрей, кончай ты паясничать, – скорчил кислую гримасу Стахов. – Какой я тебе командир батальона? Где ты его видишь, батальон этот?

– Простите, – втянул шею тот и извинительно улыбнулся, – по старой привычке.

– Здесь мы все на одной должности, Андрей, – напомнил Стахов, облизнув губы. – Сборище смертников.

Он отложил в сторону пустой котелок, затем, немного повозившись, достал из своего вещмешка алюминиевую кружку, бросил туда щепотку сушеной травы из бумажного свертка, похожего на тот, в котором он хранил табак для своих самокруток, и залил в нее кипятка.

– Чай пить будешь?

Андрей покачал головой. В такую жару о горячем чае ему думать совсем не хотелось.

– И напрасно. – Илья Никитич поднес кружку к губам и легонько подул на парящую жидкость. – Это специальный сбор трав, помогает лучше перенести жару. Таки не хочешь?

– Нет, спасибо.

– Послушай, – Илья Никитич отставил кружку на круглый раскладной столик, – я уже говорил, мы здесь все наравне, между нами теперь нет старшего и младшего по званию, кроме, естественно, Кирилла и старших по борту... хотя эти так, для галочки. То есть я хочу тебе сказать, что не обязательно каждый раз спрашивать, можно ли задать вопрос, потому что – конечно, в чем проблема? Валяй, но ты ведь умный парень, Андрюша, и должен знать, что есть много вещей, о которых мы с тобой никогда не сможем поговорить по душам. Как друг с другом. Ты меня понимаешь?

Пялясь в котелок с остывающей жижей, Андрей все не мог переварить услышанное. Неужели Стахов умеет говорить? Ведь на заставе тот всегда словно играл в молчанку, только необходимые команды изредка слетали с его уст. Такая открытость не могла не радовать Андрея, враз почувствовавшего себя на короткой ноге с бывшим комбатом.

– Так что ты хотел спросить-то?

– А... так какой дорогой решили ехать? Узкой или мастиралью? – наконец определился с вопросом Андрей.

– Магистралью, – поправил Стахов. – Решили, что магистралью, хотя мне эта затея не очень-то по душе. – Он поднес кружку к губам и немного отпил своего чудотворного чая. – Они думают, что так будет быстрее. А по мне, куда ни поедешь, везде весело будет. Хоть по магистральной, хоть по проселочной.

Наступила пауза. Стахов хлебал свой чай, а Андрей в уме материл себя за то, что из множества вопросов, что одолевали его почти всю сознательную жизнь, он не может вспомнить ничего достойного. О чем же спросить? Об Укрытии? Что именно? Ворошить историю? Так наслышан вроде бы. Слухов предостаточно, причем в желании приврать многие рассказчики преуспевали настолько, что иногда невозможно было отделить правду от выдумки. Так о чем же спросить? Может, о нем самом, о Стахове? Да, есть несколько интересных моментов, но спрашивать о них сразу в лоб как-то тупо. О других сталкерах? О ком, например? О Крысолове?

Черт, как же он мог забыть – о Юлии!

Но едва Андрей открыл рот, чтобы поинтересоваться личностью поразившей его девушки, как эту мысль решительно смела другая.

– Илья Никитич, а вы отца моего знали? Юрий Иванович Чекан его звали.

– Чекан? – Лоб Стахова рассек глубокий вертикальный ров. – Так ты сын Юры Чеки?

– Да... – пожал плечами Андрей.

– Занятно. – Стахов отставил осушенную кружку, заглянул молодому бойцу в глаза, пытаясь, наверное, отыскать общие черты с давно пропавшим биологом, удивленно хмыкнул. – Так ты, стало быть, Чека-младший? Занятно, занятно. Вот уж не думал, что повстречаю его потомка столько лет спустя.

– Так знали?

– Знали, – вздохнул Стахов и, пошарив в кармане штанов, вынул другой сверток, в котором хранилась махорка, – отчего же не знать? Не вплотную сотрудничали, конечно, профили, сам понимаешь, у нас разные: я на заставе, он – в лаборатории. Но общаться приходилось, и стрелять в тире его я учил. Бездарный из него был стрелок, скажу тебе. – Стахов улыбнулся, Андрею показалось, что эта улыбка хоть и длилась жалкую долю секунды, но все же была непритворной, искренней. – Мог три рожка высадить, и все мимо. Меткости в глазу, как и у Бешеного, – ноль. А вот человек был душевный, умный, пообщаться можно было.

– А о том, что с ним случилось, вы что-нибудь знаете?

Некоторое время Илья Никитич сосредоточенно мастерил себе самокрутку. Андрей даже успел подумать, что тот не расслышал вопрос, и хотел было уже его повторить, как Стахов, проделав снова фокус с поджиганием спички от воротника, раскрутил самокрутку и сказал:

– Поверь мне, парень, не больше, чем ты. Гребешков, тот сталкер, что сопровождал группу твоего отца, пробыл больше недели на поверхности. Он вернулся практически без одежды, обгоревший весь, израненный. Голова раздута, – Илья Никитич выставил руки, будто держа в них невидимый огромный мяч, – что твой глобус, череп просмотреть насквозь можно, мозги – как мутная вода. Что он мог рассказать? Не укрылись от солнца, все умерли, он один выжил. Вот и все, о чем мы узнали перед тем, как он скончался на заставе. Поисковых групп никто не высылал, к тому же, пойми правильно, куда высылать, в каком направлении? В общем, давно это было. Сколько ж лет уже прошло?

– Двенадцать, – твердо ответил Андрей.

– Двенадцать, – задумчиво повторил Стахов. – Твой отец был славным парнем, и это самое главное. Мне он лично как человек нравился, а тебя, не сомневайся, больше жизни любил. Да вся биолaborатория тебя тогда на руках носила – одного из первых младенцев, родившихся без патологий. Но что случилось, то случилось. Твой отец был слишком предан работе, она его и погубила. Много людей, Андрей, вышли на поверхность и не вернулись. Слишком много.

– Знаю, – рассеянно сказал Андрей, свесив голову. – Я его и не помню совсем. Мать лишь иногда расскажет что-то, а фотографий так и вовсе никаких не сохранилось. Был отец, и как будто и не было его никогда.

– Мои родители были членами Военного совета, – вдруг сказал Стахов, выпустив дым через ноздри. – Полгода уже как в Укрытии жили, мне было тогда десять лет. Творилось в Укрытии черт-те что! Повстанческие движения, бунты, а свободный доступ к оружию делал свое дело. Стреляли, как в тридцатых годах. Там, в зале Совета, где проводятся совещания, краска уже в двадцать слоев, наверное, нанесена, а пятна крови все равно проглядывают. Хотя уже три десятилетия прошло.

– Ваших родителей убили?

– Знаешь, кого называли толпой? – задал встречный вопрос Стахов.

– Знаю, – кивнул Андрей, – это те, кто вначале попал в Укрытие незапланированно.

– Да, тогда вместо шести тысяч человек в него натолкалось почти восемнадцать. Случайные граждане, оказавшиеся в нужное время и в нужном месте. Это было неуправляемое стадо, озверевшее, полное отчаяния. Попав в Укрытие, они убивали всех без разбору, начиная с тучных олигархов, вырезая их целыми семьями, и заканчивая мелкими политиками, выкупившими так называемые докторские квартиры для своих огромных семей.

С другой стороны, их можно было понять: у них под домами строили убежище, а их самих хотели бортануть, мол, извините, ребятки, для вас здесь мест нет. Вот они и мстили... В тот день, так уж получилось, ранили только нашего старейшину и уважаемого всеми нами Василия Андреевича, всех остальных убили, в том числе и моих родителей. Иногда мне кажется, что лучше бы они ушли на поверхность и не вернулись. Хоть умерли бы за дело. А так... постреляли, как уток на воскресной охоте.

Стахов вздохнул, погладил рукой щетину на подбородке, сплюнул.

– Могу с уверенностью сказать, что тебе повезло, парень, родиться не в те времена. Мало того что радиация проникает внутрь – Укрытие ведь изначально задумывалось для длительной консервации, то есть все входы-выходы были опечатаны и открывать их следовало не раньше как через двадцать лет! – так еще и *эти* каждый день укорачивали жизни сотням людей.

– А для чего же их открыли, эти выходы?

– Так это они и открыли. Придурки! – Стахов поморщился и снова сплюнул. Самокрутка дотлела до середины, но он о ней напрочь забыл, погрузившись в пучину воспоминаний. – Ломанулись за своими родственниками и вещами, что забыли! Дурачье. Оно же все светилось, барахло это, «гейгер» трещал как сумасшедший, а они все тащили, тащили... Деньги, украшения, провиант, одежду, даже кошек, с которых шерсть слезала, как парик, мать его! Каждый хотел взять самое ценное из дому в надежде, что оно еще пригодится.

– Зачем же вы их впускали?! – округлил глаза Андрей.

– Нас, – Илья Никитич ткнул себя в грудь большим пальцем, – еще не было. Я же говорил: никаких застав, никаких патрулей. Каждый сам за себя, к тому же их было больше.

– А как все закончилось? Ну, потом же все улеглось, ведь так? Куда делась эта «толпа»?

Стахов пожал плечами, сунул в зубы самокрутку и сделал последнюю затяжку, прежде чем бесшумным щелчком отправить окуроченную сигарету под машину.

– Естественный отбор, наверное. Большинство смирилось с предложенным военными порядком, кто-то не вернулся из города, кто-то, получив приличную дозу облучения, умер в изоляционных камерах, а самых яростных бунтарей со временем удалось обезвредить...

– Убить?

– Да, Андрей, убить. Никто не играл в милицию и судей. – Стахов поднялся, достал из нагрудного кармана платок и протер им лоб.

– А почему для них не было убежища, для простых граждан? Ведь все бы обошлось, если бы они знали, что у них есть свое убежище.

– Почему ж не было? – Стахов будто бы удивился. – Было.

Он отошел в сторону, присел на ступень трапа «Монстра», где еще недавно сидели Андрей с Сашей, и принялся расшнуровывать свои ботинки. В его поведении больше ничего не напоминало того Стахова, что был начальником на своей заставе. Господи, да ведь он даже не разрешал расстегнуть верхние пуговицы на кителе!

– Можешь тоже разуться. В это время суток, – словно прочитав мысли Андрея, сказал он, для уверенности еще раз взглянув на часы, – ничто не будет нас беспокоить. Вся тварь по закуткам, сейчас слишком жарко.

Это было как нельзя кстати. Сапоги стали горячими, будто вот-вот собирались расплавиться, а портянки уже давно сползли, натерев раны на ногах, и поэтому большего удовольствия, чем сбросить эту надоевшую кирзу, нельзя было и придумать.

Стахов бережно отставил свои ботинки в сторону, с неким наслаждением пошевелил набрякшими пальцами, после чего его лицо приняло выражение глубокого удивления.

– Ты что, ничего не слышал про Укрытие-1? – Андрей отрицательно покачал головой. – Ну, в принципе, это и понятно. До твоего рождения там уже никого не осталось, хотя о нем предпочитали помалкивать и раньше. Гражданским знать о его существовании не нужно было, а кто знал, тот особо не распространялся на эту тему. Это как раз для них, простых смертных, и строилось то убежище. Только ты ж ведь сам понимаешь: сроки строительства, качество материалов и прочее, что имело отношение к выживанию после ядерного удара, – фильтры, генераторы, склады провизии, одежда, медикаменты, – все было для них совсем другим. Да и место расположения... За городом, в поле, почти под Васильковым. Кто туда успел бы добраться? Хотя по размерам оно было гораздо больше нашего, которое строилось исключительно для ВИП-персон и «нужных» людей, вот вроде твоих родителей.

– И что?

– А то, что это Укрытие-1 до момента начала военных действий... – Илья Никитич внезапно прыснул со смеху, словно психопат, вспомнивший забавный момент из прошлой жизни. – До момента военных действий... – смеясь, повторил он, оскалив пожелтевшие зубы. – Ну и слово придумали! Какие же, на хрен, действия? Летящая ракета – это разве действия?

Угомонился он не сразу. И даже взгляд Андрея, в котором читались смешанный испуг и смятение, не мог вывести его из этого припадного состояния.

– Так что до начала войны? – напомнил ему Андрей, заменив «смешное» слово на более, как ему показалось, уместное.

– Ладно, Андрюха. – Стахов прекратил смеяться, поднялся со ступеней, потянулся, широко раскинув руки. – Хорош трендеть, а то уже голова от всего этого болит.

– С чего это? Сказал «А», говори «Б», – прозвучал сзади чей-то мягкий, но в то же время властный голос, не подчиниться которому было просто невозможно.

Стахов с Андреем оглянулись одновременно. На ступенях «Форта» сидел, горделиво расправив старческие плечи и вытянув тощую гусиную шею с натянутыми, словно мачтовые тросы, жилами, Василий Андреевич. На его лице играла улыбка. Когда он там появился и как много успел услышать из рассказанного Стаховым, ни один из дежуривших представления не имел, и это обстоятельство, без сомнений, не могло не тешить старика. Андрея во внимание он не брал – молод тот еще совсем, – а вот Никитича он знал достаточно хорошо. Знал, старый волк, что тот небось уже проклинаят себя в уме за то, что, во-первых, не сумел вовремя заметить постороннего движения, ведь старик не призрак, вошел, стало быть, через дверь; а во-вторых, и это хуже всего, за то, что поймали его с поличным за распространением секретной информации. И главное, перед кем распространялся-то? Перед мальцом, у которого еще молоко на губах не обсохло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.